

ГУСЕЙНОВА ОЛЬГА

ЛЮБОВЬ СО СМЕРТЬЮ

ПОДАРКИ ОТ ВЫСШИХ

Подарки от высших

Ольга Гусейнова

Любовь со смертью

«Автор»

2024

Гусейнова О. В.

Любовь со смертью / О. В. Гусейнова — «Автор»,
2024 — (Подарки от высших)

Обряд на удачу может спасти от провала! Но кто же знал, что схитрить не получится и меня занесет в другой мир? Хочешь не хочешь, а начинается новая жизнь. Теперь я потомственная аристократка, которой предстоит решить множество проблем. Еще поступить в академию магии и встретить любовь. Ведь обрести счастье целители могут лишь по большой любви и никак иначе! А значит — за дело! И главное — ничего не перепутать...

© Гусейнова О. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Гусейнова

Любовь со смертью

Глава 1

– Ты серьезно? – обернувшись к Жене, с иронией спросила Вика. – Магическая лавка ведуньи на тридцатом этаже самого престижного бизнес-центра?

– Я всегда считала, что ведьмы в глухих деревнях живут, прячутся, – проворчала я себе под нос, чтобы посторонние не услышали.

– Анхелле прятаться не нужно, к ней ходят только самые-самые, а у тех времени в обрез и по деревням ездить некогда. Вот и выбрала место под солнцем в самом центре города, – буркнула нам покрасневшая от смущения Женька.

– Ты так и не сказала во сколько нам обойдется этот ритуал удачи для продвижения нашей банд-группы? – с подозрением прищурилась Вика.

– Вот ляпнешь так при заказчиках – и нас реально за бандиток примут и вместо музыкальных выступлений пошлют...

– ...просто пошлют, ты хотела сказать? – быстро подказала я Женьке.

– И туда тоже, – хихикнула она.

– Так сколько это стоит? – не дала увильнуть наша главная по финансам.

Женя поморщилась и, не решаясь посмотреть Вике прямо в глаза, тихонько призналась:

– Она точную сумму не назвала. Сказала, сначала должна на нас посмотреть. Тогда и озвучит сумму и вообще, согласится ли с нами иметь дело.

– Понятно-о, развод чистой воды! – постановила Вика и развернулась, явно намереваясь отказаться от визита к ведунье, к которой нас с неделю уговаривала сходить Женька.

Но почему-то в этот момент не она, а я, схватив Вику за локоть, жалобно заныла:

– Викусь, ну давай сходим? Просто глянем одним глазочком, а то ж любопытно, сил нет, как это все выглядит. Я натуральную ведьму ни разу не видела. Если что, просто уйдем и все!

– Даром, Маш, только за амбаром выдают, а за все остальное в жизни приходится платить. – Мрачно, привычным менторским тоном заявила Вика, но все же обернулась и хмуро окинула взглядом сияющий стеклом и мрамором тридцатизэтажный деловой центр. – Хорошо, но больше пяти тысяч не дам!

Мы с Женей радостно запрыгали:

– Вперед, на мины!

И втроем, словно в бой, задрав повыше подбородки для солидности и уверенности, вошли в пафосное здание – царство светлого камня, стекла и света. Моментально прибывший лифт отразил нас с подругами на зеркально-гладкой поверхности дверей и плавно поднял на самый верх за несколько секунд. Мы невольно восхищенно замерли. Мы...

Я, Мария Васюнина, студентка четвертого курса медицинского университета, недоверчивый интроверт, при этом большой романтик, верящий в идеальные половинки и вселенскую справедливость. Богатая на выпуклости в нужных местах, хоть и ниже среднего роста, кареглазая морковка, как меня подруги прозвали за натуральный оранжево-рыжий цвет волос. Милая, но не более. Еще и зрение подкачало, поэтому приходится носить очки минус три, а не контактные линзы, на которые, увы, аллергия. И все же коричневые кожаные легинсы с белыми кроссовками и молочного оттенка свитером тонкой вязки и длиной до середины бедра, с «сердечком» на груди мне были очень к лицу, что я в огромном зеркале в холле и отметила. «В миру» ношу вполне подходящее прозвище – Томат.

На мое плечо оперлась вторая из нас, Евгения Корзинкина – девушка высокая, веселая, открытая, ранимая, вечно витающая в облаках и мечтающая о большой и любящей семье. А вот фига ей... и экономический факультет в помощь в борьбе за достойную жизнь. Подумаешь, модельная внешность, платиновая блондинка с черными глазами и темными бровями. Куколка, причем натуральная, мечтающая летать где-то в небесах или хотя бы на сцене, но идеальный рост и вес ей не помощники. Одеваться предпочитает в летящие платья пастельных тонов и, невзирая на высокий рост, носит тонкие шпильки. Женечку с детства прозвали Шпалой.

И третья, Виктория Невская, – невысокая и хрупкая синеглазая брюнетка с чуть более острыми чертами лица, чтобы считаться классической красоткой, но симпатичная. Жаль, носит темные деловые строгие костюмы с белыми рубашками и глухие туфли «прощай молодость», впрочем, они не особенно скрывают ее внешнее очарование. И вот эта худосочная мелочь с младенчества была в нашем сплоченном трио бесспорным лидером и заводилой, благодаря смелости, деловой жилке и, главное, сильному характеру, ну, если с нашими сравнивать. Именно она, получившая прозвище Шапокляк, будучи студенткой четвертого курса юрфака уже устроилась в какую-то фирму по своему будущему профилю и зарабатывает больше нас обеих.

Мы с девчонками отличаемся друг от друга, как лебедь, рак и щука, при этом у нас общие увлечения и дружба с незапамятных времен. Я даже не помню, когда мы последний раз ссорились; если с одной из нас случалась неприятность, две другие тут же вляпывались в нее добровольно и с горячим энтузиазмом.

Двери лифта разошлись в стороны, и мы шагнули наружу.

– Интригующе... – пробормотала Вика, разглядывая несколько редких бежевых дверей вдоль длинного коридора с серым напольным покрытием.

В самом конце виднелась единственная дверь черного цвета.

– Похоже, нам туда, – немного нервно шепнула я, ткнув пальцем в эту выделяющуюся на общем светлом фоне дверь с нужным номером.

За черной дверью оказалась совершенно обычная приемная, где нас встретила не секретарша, а внушительный громила в деловом костюме, у которого на поясе заметно топорщилась пола пиджака. Там что – оружие?

Тревожно переглянувшись, мы осознали, что пятеркой не отделаемся, тем более громила сурово пробасил:

– К Анхелле? Вам назначено?

– Да-а... – в унисон проблеяли мы неуверенно.

– Она ждет, проходите!

И указал на еще одну зловеще черную дверь, без номера, зато с какими-то закорючками, написанными над ней темной краской прямо по молочным обоям.

Оказавшись за ней, мы сразу попали, ощутили, вдохнули атмосферу мистики. По стенам развешаны десятки самых жутких масок, в прорези глаз некоторых даже заглядывать было не по себе, словно из них за нами кто-то наблюдал... с той стороны. Окна зашторены, но нет киношной темноты и горящих свечей. На широком, обитом зеленым сукном столе, вальяжно развалился черный кот и недовольно шурил зеленые глаза на чадающие в бронзовой миске благовония, от которых у меня засвербело в носу. Чихнули мы сразу втроем, понятно: витавшие в комнате ароматы «не зашли» и моим подругам.

За столом не менее вальяжно расположилась во внушительном и явно удобном кресле с высокой спинкой женщина без определенного возраста. Таким легко может быть за пятьдесят и около тридцати. Черноглазая, светлокожая шатенка с высоким хвостом на макушке, обычной среднестатистической фигурой, узкими запястьями и длинными, музыкальными пальцами в

диловинных кольцах. И одежда на ней вполне привычная: черная водолазка, джинсы и темные балетки, выглядывавшие из-под стола. Никаких балахонов...

И все бы ничего, но вот ее глаза. Она словно вцепилась ими в нас троих сразу. Я ее взгляд физически ощутила – он прошелся, буквально прощупывая каждый сантиметр моего тела. Бр-р!

– Здравствуйте, Анхелла, я звонила вам недавно, и вы...

– Садитесь, – оборвала Женин лепет ведьма, указав как раз на три стула напротив своего стола.

– Сначала мы бы хотели узнать стоимость ваших услуг, а то вдруг они нам не по карману, – сухо заявила Вика.

Мы с Женей, было дернувшись к стульям, остановились за ее спиной.

Ведьма неожиданно усмехнулась, разглядывая нас, а потом наповал поразила:

– Вы трое родились в один день и даже в одно время?

– Положим, вы правы, – уклончиво признала Вика, чуть наклонив голову к плечу, как обычно делает, когда изучает «врага».

– Все трое отказники, которые не знают, кто их родители и почему от них отказались. В детский дом попали из одного дома малютки и с того времени всегда вместе. Один детский дом, одна жизнь на троих, одни увлечения и даже неудачи одни на всех. Отказники без защиты семьи и рода. Но сплотившись, вы создали свою семью, новый род и тем самым защищаете друг друга.

– Откуда вы знаете? – потрясенно пролепетала Женя.

– Эта информация в общем доступе, ее не трудно найти, зная всего лишь номер Жениного телефона, – отрезала Вика.

– Ты, Мария, – будущий целитель, ты, Евгения, любишь цифры, с ними тебе проще всего, ведь они не предают и всегда логичны, а ты, Виктория, с рождения живешь с пустотой внутри, которую заполняет свет и любовь твоих подруг и собственная, пугающая тебя холодом темнота, – спокойно, с едва заметной улыбкой продолжила ведьма, вернее, ведунья, как в объявлении указано.

– Это тоже узнать не проблема, – почему-то хрипло заявила Вика.

– Думаешь? – еще шире улыбнулась Анхелла. – Ну хорошо, с вас, Томат, Шпала и Шапокляк, я возьму ровно пять тысяч, ведь именно эту сумму вы готовы мне заплатить, верно?

Дальше мы трое молча и робко расселись и ошеломленно вытаращились на ведунью, причем, мы с Женькой еще и испуганно, а Вика держала лицо, согласившись:

– Верно.

И, подчиняясь кивку Анхеллы, неуверенно вытащила и положила перед ней купюру, пока та продолжала нас изумлять:

– Вам по двадцать одному году, живете вы вместе, хоть и выбрали положенные каждой метры. Зарабатываете по-разному, но тратите все вместе из одной кубышки.

– Да-а... – потрясенно лепетали мы.

– Мужчин нет, ни одна из вас еще не познала любви, не потому что не было желающих, а потому что боитесь снова быть брошенными. Как отказались от вас родители...

– Мы... – Анхелла вскинула идеальную черную бровь, и Вика покорно замолчала.

– Вы мечтаете о многом, хотя пришли лишь за одним. Дружба и сиротство не единственное, что вас объединяет, есть еще любовь к музыке. У вас красивые голоса, но, насколько я вижу, ты, Маша, больше любишь танцевать, Женя – придумывать ваши номера, а Вика – петь.

– Все верно, – Вика продолжила быть нашим единым голосом, взволнованным и сиплым.

– Хотите удачи в музыкальном конкурсе? – ехидно усмехнулась Анхелла.

– Мы хотим удачи на музыкальном поприще, а не только в конкурсе, – осторожно поправила Вика, наша семейная акула бизнеса.

– Мудрая девочка! – неожиданно хихикнула Анхелла. Мне показалось, что ей не тридцать и даже не пятьдесят, а гораздо, гораздо больше. Выдержав паузу, ведьма хитро улыбнулась и встала: – Легко!

Обычная черная водолазка и джинсы отлично сидели на этой немолодой, но молодо выглядевшей женщине. Она согнала обиженно фыркнувшего кота со стола, затем достала из ближайшего шкафа корзину. Вытащила оттуда, расставила на столе и зажгла пять коротких толстых разноцветных свечей, две черные – рядом с собой, три светло-желтые – придвинула по одной каждой из нас. В центре условного пятиугольника поставила плоскую тарелку, в которой соорудила «стожок» из сухой травы. Пять маленьких мисочек с разноцветными неровными бусинами завершили ритуальный расклад.

Казалось, что воздух сгустился от нашего напряжения и любопытства. Анхелла молча сунула нам в руки по белой тонюсенькой восковой палочке, я втянула носом аромат своей и ощутила букет луговых трав. А вот Вика, повторив за мной, снова смачно чихнула.

– Ох и темная ты, девонька! Но твоим сестричкам по духу повезло, ты все их слабости закрыла, – заявила Анхелла, одобрительно глядя на Вику. И добавила «перцу»: – Тебе с ними тоже на редкость повезло – лютую тьму из твоей души выгнали, помогли сформироваться доброй и защищающей.

– Да, мы банда! – хихикнула Женька.

– Вы не банда, отныне вы одного рода. А значит, даже уйдя за грань, не потеряетесь, сможете защитить, поддержать друг дружку.

По коже аж мурашки разбежались от слов ведуньи-колдуньи, но почему-то не испугали, а наоборот, проникли теплом в самую душу. Мы, трое отказников, всегда мечтали о семье, считали себя семьей. И вот, эта зловещая тетка говорит, что мы где-то там, на энергетическом уровне стали роднее некуда. Что, даже умерев, сможем защищать друг друга. Хотя, конечно, лучше будем жить долго и вместе!

– Спасибо, – неожиданно смущенно сказала Вика, ей слова ведуньи тоже пришлось по душе.

– Ну что ж, перейдем, собственно, к цели вашего визита и моим магическим услугам, – объявила Анхелла. – Сейчас вы должны вылепить для себя магический амулет, каждая – собственный. Перед вами восковые палочки, согрейте их теплом своих рук, чтобы сформировать браслет.

– Сами? – опешила Женька.

– Сами! – усмехнулась ведунья. – Но не бойся, недоверчивая моя, самую важную работу, активацию ваших амулетов, выполняю я. Пять тысяч даром не пропадут.

Стоило нам, смущенно переглядываясь, разогреть восковые заготовки ладонями и начать сгибать дугой, Анхелла прибавила:

– Видите мисочки перед вами, достаньте из них бусинки. Можно сразу трех цветов, вы мне понравились, я сделаю вам подарок!

– Какой? – приятно удивилась Вика.

– Вы пришли только за удачей, а я вам подарю еще любовь и магию.

– Магию? – нервно хрюкнула от смеха Женька, благодаря которой мы здесь сидим и черте чем занимаемся.

Анхелла укоризненно покачала головой и как маленьким, улыбнувшись, пояснила:

– Музыка – это творчество, а любое творчество – это магия. Вы хотите стать успешными певицами, значит, магия вам тоже пригодится, помимо удачи! А любовь... я чувствую, что она вам очень-очень нужна!

– Всего и побольше – это хорошо!

– Мы согласны, – радовались мы.

И каждая пожелала.

– Хотим много магии, – я.

– Хотим много любви, – Женя.

– И много-много удачи! – весело припечатала и разошедшаяся Вика.

– Тогда собирайте браслет из красных, зеленых и желтых бусин. Сколько сможете набрать. А закроете набор черной, она защитит от неудач и негатива, – поторопила нас Анхелла, подвинув четвертую миску с черными бусинами.

Странно, каждая бусина словно энергию забирала. Это я поняла, когда решила начать именно с черной, защищающей, а потом к ней на согнутую дугой основу добавила следующую. Сначала нанизала по одной бусине каждого цвета, но после желтой ощутила себя обессиленной, с пудовыми руками, которые от стола не оторвать. Однако жадность пересилила, жаль, что сил, вернее, упорства хватило только на дополнительную желтенькую, которая магию обозначала. Соединила края браслета – и тут же ощутила, что странное и непонятное состояние онемения исчезло!

Проверив как дела у подруг, порадовалась: они тоже завершили свои браслеты-поделки. Только у Жени оказалось две красных бусинки – она себе любви побольше захотела, у Вики – вторая зеленая красовалась. Значит, нашему трио всего дополнительно прибавится: и любви, и магии творчества и удачи!

– Теперь самое главное! – довольно объявила Анхелла, а потом слегка напрягла, сунув нам одноразовые скарификаторы: – Делаем прокол на указательном пальце и выступившей кровью смазываем браслет.

– Кровью? – опешили мы.

– Мы, простые смертные, берем плату деньгами. А вот высшим за подарки всегда платят кровью... своей, – объяснила с усмешкой Анхелла.

– Ясно, – нахмурилась Вика, вновь обретя очень ненадолго утраченную подозрительность.

Оглянувшись на нас, закусив губу, она подумала пару мгновений, потом кинула взгляд на одноразовые тонюсенькие скарификаторы и приняла решение, что от нас не убудет. И первой разорвала упаковку на этом крохотном стальном «копье». Следом мы с Женей вскрыли свои. Правда, протыкать кожу до кровяшки пришлось друг другу, причинить себе боль оказалось невыносимо. Мысленно поплевав через левое плечо, так, на всякий случай, я извасюкала кровью свою палочку с бусинками. Анхелла кивнула и продолжила:

– Вы девочки одаренные, если что увидите странное, не пугайтесь!

– Угу, – синхронно кивнули мы.

Девчонки, наверное, как и я, решили, что более странного, чем пускать себе кровь уже не случится.

– Надевайте на руки свои браслеты и держите над свечами. Даже если будет очень горячо, не снимайте, надо амулеты активировать!

Мы послушно выполнили. А ведунья, подпалив пучок с травой на тарелочке, подняла ее и начала, напевая, водить над нашими руками, замершими над горящими свечами.

Густой дым повис в воздухе, от запаха летнего разнотравья кружилась голова, грудной голос ведуньи завораживал и словно гипнотизировал. Не знаю, как у девочек, а у меня возникло дикое ощущение, словно вокруг густел не дым, а энергия и она зовет кого-то, открывает незримые двери куда-то. Стало жутко и невыносимо горячо: восковой браслет таял, расплылся на запястье вместе с пятью бусинами, тоже оказавшимися из воска и растекавшимися широкими цветными разводами. Все эти странные, будто живые, яркие, энергетические субстанции смешивались и буквально впитывались в кожу...

Потом в голове стало пусто, звонко, как в кастрюле, в какой-то момент показалось, что браслет и вовсе исчез, полностью впитавшись. И словно издали прозвучал усталый, но довольный голос Анхеллы:

– Ну вот и все, девочки! Теперь с вами всегда будут удача, любовь и магия! Свою работу я выполнила, вы можете идти с чистым сердцем и душой...

Оторвав взгляд от совершенно невозможным образом очистившегося запястья – от воскового браслета не осталось и следа! – я ошеломленно посмотрела на Анхеллу и в ужасе замерла. У лица ведуньи трепетала странная дымка – тени кошмарных масок со стен ее офиса. Они то проявлялись сильнее, то рассеивались, то темнели, то тускнели. Так, будто сквозь Анхеллу на меня смотрели сотни потусторонних лиц и сущностей. Еще и за спиной ведуньи лениво, неспешно закручивалась темная воронка, потом она нависла над ней. Казалось, одна ошибка – и эта темная мощь накроет с головой, сожрет!

В этот момент на стол вспрыгнул толстый черный кот Анхеллы, по инерции сделал несколько шагов прямо в центр пентаграммы со свечами. Наступил на край тарелки с тлеющим сеном – сухие травинки взмыли вверх и опустились прямо в пламя свечей, оно вспыхнуло ярче, запылало голоднее, азартнее.

– АмагРЕЛИМ! Мстительная тварь! Ты что натворил! – испуганно взвизгнула Анхелла.

Мохнатый пакостник уже и сам перепугался, заметался по столу, хвостом сбил здоровенные черные свечи и сукно на столе тут же вспыхнуло. Начался настоящий мистический кошмар. На фоне огня ярче проявились призрачные маски, в прорезях глаз которых полыхнули отсветы пламени, оживляя «лица», а по комнате, еще больше расширяясь, кружилась темная воронка. Что-то или кто-то таинственно зашептало, зашелестело, будто голоса издалека, из очень далекого «далека». На неизвестных языках, певучих и гортанных, птичьих или человеческих, не понять. Все смешалось в единый завораживающий шелестящий звук, который заполнил голову и отсек лишнее.

Я настолько испугалась шепота потусторонних лиц-масок, что с воплем подскочила. Мой вой подхватили подружки и под ошарашенным взглядом Анхеллы, гасившей загоревшийся стол, откинув стулья и запинаясь в них, мы втроем кинулись прочь из жуткого места.

С силой оттолкнув появившегося в проеме с удивленной физиономией громилу-секретаря, мы вывалились в приемную и, распахнув черную-пречерную дверь из преисподней, ринулись по коридору к лифтам. Я неслась с ощущением, что нас преследуют, буквально висят за нашими спинами. Вот-вот догонят и...

А на этаже стояла пугающая тишина, двери закрыты, никого не видно. Слышно только наше запыленное, взволнованное дыхание и приглушенный топот. У выхода на пожарную лестницу послышалась громогласная мужская ругань и на волне паники она только подстегнула нас ускориться. Мы неслись, почему-то держась за руки, буквально слипшись в единое целое, затравленно оглядываясь назад. Звякнул колокольчик, двери лифта разъехались. А вот дальше...

– Ай! – крикнула Женька, влетев в лифт.

– Ой! – раздался придушенный возглас Вики.

Следом чудовищный рывок – и я лишь чудом, наверняка выдрав пару ногтей, успела зацепиться за край пальцами и каблуком, буквально вывалившись другой ногой в пустоту. Кабины лифта не оказалось на месте, она то ли внизу, то ли вверх, а под нами – бездна.

Женя держалась буквально на волоске, за тонкий Викин ремешок, Вика впилась в мою руку. Я остро ощущала, как медленно и с дикой болью отрывались мои ногти, цепляющиеся за внутренний рифленый обод лифтового проема, подушечки пальцев неумолимо скользили, одновременно из второй руки также неотвратимо медленно выскальзывала рука Вики...

Мы встретились с девочками переполненными ужасом взглядами, все трое понимая, что...

Треск лопнувшей шлевки на Викиных штанах прозвучал выстрелом, ремень дернулся, Женя вскрикнула, но ее успела перехватить в последний момент Вика. Наш щуплый, слабый,

самый стойкий борец. Но два роковых рывка сделали свое дело – мои ногти не выдержали, а каблук затрещал.

– Отпусти, ведь вместе погибнем... – прохрипела Женя непонятно кому, мне или Вике.

Мы с Викторией затравлено, отказываясь принять, выдавили:

– Не-ет...

– Помогите-е-е!.. – заорала я, надеясь, что хоть кто-то услышит.

Но пути судьбы неисповедимы. И ни одна магия удачи не поможет! Мои вечно влажные от любого волнения руки, немало весившие подруги, хлипкие точки опоры... Я каждой клеточкой души и тела прочувствовала, как Виктории пальцы скользнули по моим – между нами возникла зловещая пустота и вот мои любимые родные девочки в полном молчании обе исчезают в шахте. Время замедлилось, растягивая мою агонию, на самую подкорку запечатлевая падающих подруг и их распахнутые в ужасе глаза и рты в немом крике.

Моя рука ослабла, потеряла последнюю точку опоры, я начала заваливаться в бездну следом за девочками. Буквально доля секунды отделила меня от протянутой спасительной руки секретаря Анжеллы, который пытался схватить меня, но не успел. А я даже крикнуть не могла, как и подруги, падала молча, распахнув глаза от ужаса, ведь за спиной громилы-телохранителя ведуньи появились те самые потусторонние маски-тени. Секунда – и они нырнули следом за мной, устремляясь вниз, с азартом догоняя. От скорости падения шумело в ушах, но я слышала лишь жуткий шепот «той» стороны, нарастающий с каждым мгновением. Уже почти настигший...

– Мы выбираем Свет! – взвизгнула я в панике, глядя на посланников ада и, как обычно, даже в мыслях объединяя себя с Викторией и Женей.

Следом резанула вспышка дикой боли, сознание взорвалось тем самым светом, слишком ярким, ослепляющим, режущим настолько, что я просто не выдержала и отключилась.

А ведь мы так сильно хотели жить, побеждать, любить...

Рожденные и погибшие в один день. Всегда вместе. Наверное, так напишут на наших могилах, если кому-то будет до нас дело.

Глава 2

Ощущения медленно возвращались. Сначала я просто осознала, что жива, потому что чувствовала дикую слабость и лютую усталость. Помнится, я себя ощущала так на следующий день после уборки картошки в большом хозяйстве, куда наш детдом ездил. Полезный жизненный опыт, надо сказать. Все, что мы собрали, отправили с нами, пусть было тяжело, зато весело. После и накормили отменным шашлыком, яблочным компотом, свежим хлебом. Еще и кучу подарков разных надарили. Теплые воспоминания сменились мучительным, прямо-таки зверским голодом и жаждой, от которой пересохло во рту.

Стоило вспомнить эту малость, в голове будто что-то вспыхнуло. Словно я попала в отдел телевизоров и их разом все включили на разных каналах и программах. Замелькали сотни картинок, заговорили десятки голосов, зазвучала музыка, кто-то кричал, кто-то пел, кто-то громко ругался, тихо шептал ласковые слова успокоения – сплошной хаос, болезненный, сводящий с ума. Мысли путались, моя реальность смешивалась с вымыслом. Мои воспоминания внезапно сменялись чужими, какой-то маленькой девочки Эмариин фин Ришен из семьи потомственных аристократов. Картинки рассказывали-показывали ее жизнь, причем из настолько иной реальности, что сперва я думала, что мелькали кадры исторического сериала. Но его героиня росла и мне уже казалось, что это скорее фэнтези или фантастика. Потому что девочка, единственная наследница барона Гричана фин Ришена, обладала магией, как и ее родители.

Я даже увлеклась, чужими глазами наблюдая за жизнью семейства магов. Благодаря учителям, прислуге, родителям и всем-всем, я познавала новый мир – Хартан...

Огромный мегаматерик, тоже Хартан, окруженный океаном, где, в отличие от Земли, более важны не залежи полезных ископаемых, а источники магии. Учителя Эмариин рассказывали, что эти источники делятся, как полюса магнита, на плюс и минус, только в случае с магией – на светлые и темные. Вроде сказка, а законы физики и равновесия сохраняются и здесь. Светлый и темный источник – это не деление на хороший и плохой, а исключительно характеристики излучаемой энергии, как я для себя поняла. Светлой проще управлять, усваивать, генерировать организму и практически без побочных эффектов для тех, кто рожден с ней или на землях, где сама земля испускает светлый фон излучения. Темная сложнее в управлении, тяжелее усваивается, негативнее влияет на своих носителей и имеет кучу побочных эффектов. Зато ее обладатели гораздо сильнее!

Из-за тонкостей и «толстостей» в восприятии и усвоении организмами светлой и темной энергии на заре времен, когда Хартан только-только созидал разумные виды существ, на землях у светлых и темных источников появились магически и внешне различающиеся расы.

Слушая чужими ушами эти сказки, я испытывала не меньший, чем сама девочка, восторг, любопытство, жадный интерес, а порой – и сожаление, когда дело доходило до распрей между расами и народами. Радовало одно – на Хартане проживали, условно говоря «люди». Только одна часть из них разделялась по магии, темной и светлой, а другая имела еще и вторые ипостаси, и различалась по ним. Никаких там эльфов, фей и прочих «тварей» вроде как еще не обнаружили. С другой стороны, этот мегаматерик досконально не исследован, так что, кто их знает, может, где и живут.

Эмариин видела огромную карту Хартана, похожую на лоскутное одеяло, где светлые пятна соседствовали с темными, а внутри эти «лоскуты» делились на множество более мелких, с разными названиями королевств, княжеств или территорий, подконтрольных отдельным видам оборотней и их кланам. Интересно, что на южной части Хартана преобладали светлые источники, на северной – темные.

Эмариин живет в королевстве Байрат, которое на севере граничит с темными землями королевства Ирмунд. Между ними уже давно настоящее противостояние светлых и темных.

И оба этих непримиримых соперника соседствуют с расположенными на северо-востоке территориями оборотней.

Как в любых добрых сказках, сама героиня и вся семья фин Ришенов светлее некуда и не просто потомственные аристократы, а из древнего целительского рода.

Я бы считала себя сторонним наблюдателем чужой жизни, зрителем, но отчего-то все становилось настолько реальным, осязаемым, что я буквально проживала навязанные чувства. Насладилась чужим счастливым детством, милым, ясным, солнечным, когда любовь родителей безусловна и безгранична, а забота – безмерна. Да, балуют, но деликатно и неотступно учат жизни, не позволяют отлынивать от учебы и нанимают хороших учителей по различным наукам и магии.

Родовое поместье барона фин Ришена по здешним меркам довольно скромное, но добротное, ухоженное и уютное. И расположено на окраине города Ройзмуна, столицы королевства Байрат, рядом с великолепной дубравой. Помимо любящей семьи, в этом, по уже лично моим представлениям, просторном доме проживают около десятка слуг. В основном пожилые, без капли магии, но служившие еще отцу нынешнего барона и любимые всей его семьей.

К сожалению, большая часть близкой, да и дальней родни семейства фин Ришен уже почил. И это несмотря на то, что люди, наделенные магией, способны без проблем дожить до двухсот лет прекрасно сохраняясь внешне. А все потому, что фин Ришены, как и родня матери Эмари, в буквальном смысле сгорали на работе, отдавая себя и свой дар страждущим или погибая на полях сражений. Или по неизвестным девушке причинам уходили в мир иной. Приверженность славным традициям светлых магов не пустые слова для фин Ришенов.

На мой циничный взгляд, именно в силу своей светлой целительской натуры барон Гречан фин Ришен был излишне добрым и мягким мужчиной, впрочем, как и его супруга Ромалия. Чем, увы, пользовались многие. Эта прекрасная, душевная пара родила и вырастила уточненную, красивую и нежную дочь, сердобольную и ласковую, но совершенно не приспособленную к жизни в той суровой реальности, которая их всех вскоре постигла.

Когда барон с супругой возвращались с очередного светского раута, на них напали в темном переулке, ограбили и безжалостно убили. В результате Эмария, этот ранимый юный цветок, осталась сиротой в семнадцать лет. Совершеннолетия она еще не достигла, поэтому Королевским судом был назначен опекун – алчный дальний родственник, троюродный кузен со стороны матери. Он быстро перекрыл подопечной доступ ко всем семейным счетам и назначил своего управляющего вести дела осиротевшего поместья. И вот уже шесть месяцев единственная наследница барона и пожилые, всю жизнь прослужившие этой благородной семье обитатели поместья, которым даже и податься больше некуда, только если на улицу милостыню просить, вынуждены вести скучный образ жизни.

Наконец я добралась до финальной сцены этой драмы, некоторыми нюансами напоминавшей времена нашего восемнадцатого века. По части привычных технологий: паровых двигателей еще не изобрели; основной транспорт гужевой – лошади, телеги, кареты и тому подобное ретро. При этом наряду с тихоходным транспортом существуют магические порталы и грузоперевозки – плевое, по мнению местных жителей, хоть и дорогостоящее дело. В этом мире понятия не имеют о телефонах, телевизорах и централизованной почтовой связи, вместо них пользуются магическими вестниками, почтовыми артефактами-телепортерами и артефактами, создающими и транслирующими обучающие иллюзии.

Касаемо дамской одежды: аристократки носят красивые наряды, в которых не используют кринолинов и корсетов, но платья длиной до туфель, с рукавом до запястья. Хотя нижнее белье очень тонкое, изысканное и удобное. При этом женщинам разрешено носить брюки, только выглядят они скорее как амазонки для верховой езды с широкими штанинами. Интересная особенность: лишь высокородным леям, как тут принято обращаться к леди и лордам,

положено вступать в брак невинными, остальным вести скрытную, но активную половую жизнь не слишком возбранялось.

Любопытно, что в королевстве Байрат женщины наследуют титул, как бедняжка Эмария, но до совершеннолетия их опекает и управляет имуществом родственник мужчина. Даже если это, как в нашем случае, сомнительный кузен и третья вода на киселе. К тому же мерзкий козел, каких свет не видывал.

И все же на технологически отсталом Хартане существует много чего, что житель Земли захотел бы и себе: магию и созданные ею блага, помогающие значительно облегчить жизнь любому, магу или нет. Этот мир не знал рака и других тяжелых болезней, ведь магия продляла жизнь, лечила, создавала порталы и творила чудеса, куда ж без них!

Видимо, внезапная гибель родителей, непосильная ответственность за судьбу и пропитание пожилых слуг, безденежье и тонкая душевная организация толкнули Эмарию на самый крайний шаг. Наверное, я «проживала» финальную сцену страшной трагедии. Девушка сидела у туалетного столика на широком, обитом бархатом стуле и смотрела на себя в зеркало. В нем отражалась светлая, очень девичья комната, обитая серо-розовой, чуть выцветшей тканью. В этом же цвете выдержана изящная мебель, если не ошибаюсь, в стиле барокко. Стулья, похожие на кресла, с выгнутыми спинками, украшенными деревянным кружевом, широкими подлокотниками. Столики и этажерки, секретер на ножках-лапах, с откидывающейся столешницей, множеством ящичков и письменными принадлежностями. Такое все изящное, нарядное, воздушное. Как и семнадцатилетняя хрупкая девушка, смотревшая на меня из зеркала.

Судя по прежним картинкам, роста девушка примерно метр шестьдесят пять. Стройная, я бы сказала, тонкокостная. Домашнее зеленое бархатное платье мягко облегло ее узкие плечи, широкое декольте открывало тонкие ключицы и нежные полукружья небольшой груди. Изумрудный оттенок платья контрастировал с ее бледной кожей и подчеркивал большие зеленые глаза. Я уже в курсе, что яркого, насыщенного цвета зеленые глаза – признак целительской магии.

Овальное личико девушки осунулось, а под такими удивительно яркими и красивыми глазами залегли глубокие тени и совсем не от густых темных ресниц. Идеально гладкие блестящие волосы темно-шоколадного оттенка спадали на плечи и словно стекали по спине, как в рекламе шампуня. Девушка отвела от лица мешавшую прядь, и я полюбовалась ее белыми холеными руками с тонкими кистями и изящными пальцами. На одном из них красовалось широкое золотое кольцо с крупным изумрудом в оправе в виде замысловатой трехзубой руны или короны – фамильное, родовое кольцо, переданное ей королевской стражей после опознания тел родителей. Именно оно символ наследницы рода и баронского титула.

Кончик аккуратного носика этой юной аристократки чуть-чуть расширился, лишаясь статуса идеального, но придавал ей капельку задорного «курносого» очарования. Чувственные пухлые губы сжались в скорбную линию. Округлый подбородок дрожал от подступивших слез отчаяния.

Мне стало жутко, ведь я как свои ощущала ее раздирающие душу эмоции: абсолютную, беспросветную безнадегу, черное отчаяние, когда просто не видишь выхода, когда не осталось ни капли сил бороться. И вот пришел момент, когда это нежное семнадцатилетнее создание, потерявшее веру в хорошее и поддержку родителей, как и их самих, взмолилось к высшим простить ее за малодушие. И забрать душу!

С глухим хлопком выдернутая из темной бутылочки пробка – и обжигающая противная жижа потекла по моему горлу, вымораживая внутренности, сжимая в стальном кулаке дрожащую от ужаса душу. А я знала, из ее памяти узнала, что это зелье двойного назначения: одновременно убивает человека и глушит магию целителя, чтобы не дать ей вылечить своего носителя, спасти от совершенно дикого, непоправимого и неправильного шага.

Я настолько прониклась жутким видением, что не выдержала и закричала на ту глупую девочку, пытаясь остановить:

– Нет, слышишь, нет! Ты что, сдурела? Так нельзя! Ты все сможешь, ведь главное – жизнь! У тебя все-все еще будет: любовь, семья, дети, карьера, в конце концов, приключения и радости. Разве можно от этого отказываться?

Но у меня вырвался лишь сип, злобно проскребший по растрескавшемуся горлу, рвавший обожженные голосовые связки.

– Тише-тише, девонька, не дергайся, все будет хорошо, – вклинился в водоворот чужой страшной сказки мягкий и смутно знакомый голос наверняка пожилой женщины.

Следом ее теплая шершавая ладонь опять же непривычно и привычно ласково погладила меня по лбу и макушке, губ коснулось что-то прохладное и пролилось освежающим, буквально оживляющим бальзамом в мое измученное горло. Мое??

– Мэтр Коллей, неужели моя бедная девочка не выживет? Ведь уже третий день не приходит в себя, слабеет, тает на глазах...

Раздался тяжелый вздох и мужской, искренне сочувствующий, обнадеживающий голос:

– Признаюсь откровенно, еще вчера я был уверен, что сегодня лею Эмарию придется хоронить рядом с родителями. Готов был поклясться, что душа бедняжки ушла за грань, на перерождение, хотя жизнь в ней еще теплилась. Думал, что остаточное проявление ее магии пытается поддержать физическую оболочку. Поэтому с тяжелым сердцем ехал сегодня к вам, готовился проститься с этим светлым и прекрасным ребенком. Но Эмария меня не на шутку удивила. Ее дар проснулся и, что поразительно, я чувствую, он усилился. Рисса Лишана, будь вы, как и я, целителем, сейчас бы вместе любовались ее аурой, такой цельной и яркой! Дыхание смерти ей явно пошло на пользу, как это ни жутко звучит.

– Но как это возможно? – глухо спросила искренне беспокоившаяся обо мне женщина.

– Девочка из древнего рода магов жизни. Полагаю, это отголосок ее далеких предков. К сожалению, дар фин Ришенов со временем сильно ослабел, но, справедливости ради, стоит отметить, что во многих ранее сильнейших целительских родах полноценных магов жизни почти не осталось. Лишь пару родов в Байрате могут похвастаться сильным даром, но эти самородки все до единого служат королю. Так что могу вас успокоить: больше жизни леи Эмарии ничего не угрожает, – мужчина внезапно замолчал, а потом грустно добавил, – кроме нее самой.

– Мэтр, вы не представляете, насколько мы вам благодарны. Конечно, мы лишь слуги и не имеем...

– Рисса Лишана, поверьте, я разделяю вашу боль и озабоченность судьбой леи Эмарии. Ведь мы с ее отцом друзья детства, вместе закончили академию, даже оба были влюблены в ее маму, прекрасную лею Ромалию, поэтому мой долг – помочь бедной девочке. Ни вы, ни она мне ничего не должны!

– Если бы не вы... – всхлипнула женщина.

На мою руку вновь легла та самая теплая, чуть шершавая ладонь, недавно гладившая меня по голове.

– Полноте-полноте, рисса Лишана, теперь все будет хорошо. Дайте вашей подопечной еще денек отлежаться – и она встанет на ноги. Непременно!

– Ваши бы слова да в уши Высшим, – в голосе женщины слышалась робкая надежда.

– Главное – не выпускайте ее из поля зрения, присматривайте за ней. Во избежание повторения, так сказать, – посоветовал мэтр Коллей.

– Обязательно! Глаз с нее не спустим! – заверила целителя расстроенная женщина.

А я начала погружаться в темноту, как если бы наконец закончилась страшная сказка – выключился телевизор, так и не переключившись на более веселый канал.

В себя я пришла, как обычно, просто проснулась. Выспалась. Правда теперь меня не мучил, а терзал дикий голод, словно я дня три не ела. Открыв глаза, несколько мгновений таращилась на серо-розовый балдахин над головой, а потом, ощущая, как в неясной тревоге ускоряется ритм моего сердца, приподнявшись на локтях, огляделась...

Сердце уже не бежало, оно рвано скакало, отчего пульс набатом бил по ушам. Я находилась в знакомой комнате с обоями из ткани, с «кружевной» мебелью на изящных ножках в стиле барокко, у стены слева стоял тот самый, из кошмарного сна, туалетный столик с роскошным стулом с подлокотниками, покрытыми золотистой краской. И мой зад прекрасно «помнил», какой он широкий и мягкий. В камине весело трещал огонь, согревая комнату и наполняя ее ароматом древесной смолы. Ну да, в той страшной сказке была зима и, несмотря на печное отопление, в комнатах предпочитали зажигать камины и вечерами наслаждаться их теплом и уютом.

Я медленно, с опаской приподняла пуховое одеяло и убедилась, что на мне длинная, теплая, молочного цвета сорочка с рюшами на груди. И изменения, к виду которых я совершенно не готова. Либо я все еще сплю, либо экстренно и сильно похудела. Э, нет, еще, кажется, и подросла немного... Я сильно ущипнула себя за непривычно худенькое бедро и с трудом удержала болезненное шипение. Ощущения совершенно не те, что были во сне, слишком острые, слишком... свои!

Передвинулась к краю кровати и села, свесив ноги. И только в этот момент заметила пожилую женщину, которая, повернув голову набок, спала в кресле у изголовья кровати. Ранее ее от меня заслонял балдахин. В натруженных руках моей преданной сиделки замерли спицы, а клубок с голубыми нитками скатился к ногам в теплых тапочках из валеной шерсти. На спящей женщине было длинное черное вдовье платье и белый фартук. И я знала, почему именно вдовье. Ведь я смотрела на риссу Лишану – нянюшку юной леи Эмари, а до нее и ее отца, погибшего барона Гричана фин Ришена. Грабители убили не только родителей Эмари, но и пожилого кучера, рисса Лукаша, ее мужа.

Я немного успокоилась, глядя на эту добрую, замечательную женщину. В моей груди разливалось собственное сочувствие, жалость и смешивалось с привычным теплом и любовью Эмари, будто я с рождения привыкла видеть нянюшку рядом с собой...

Чтобы не разбудить знакомую незнакомку, я осторожно встала и медленно, покачиваясь от слабости или не привычной геометрии тела и иного центра тяжести. Пока шла в ванную, старательно контролировала собственные ноги, ставшие длинными и худыми.

В голове царил хаос, апатия, мысли словно ватой забиты. Но мне было необходимо, жизненно важно убедиться, что у меня с головой не все в порядке. Потому что в противном случае...

Я не ошиблась и дверь напротив кровати вела в ванную, где мне тоже все было знакомо: и зеркало; и большая раковина с бронзовыми кранами, где можно смешивать воду; и бронзовая купель на львиных лапах; и мраморный пол; и керамическая плитка на стенах с растительным зеленым орнаментом; и даже допотопный унитаз из серого камня, ведь какая-никакая канализация в поместье есть.

В некотором ступоре я использовала унитаз по назначению. Слушая как в нем журчит, прислушивалась и к своим ощущениям. Да-да, к своим, и эта мысль начала пугать до ледяного комка внутри, который рос с каждой секундой, пока я вставала, одергивая рубашку и дергала за веревочку.

Зажмурившись, я переждала рой темных мушек перед глазами, затем решилась заглянуть в зеркало. Несколько мгновений заторможенно следила, как расширяются глаза у моего-не моего отражения, пока картина целиком не предстала во всей своей невероятной правде.

Это не сон! Не чужая сказка, а моя личная.

Из зеркала на меня смотрела та самая худенькая зеленоглазая шатенка с волосами до талии. Только сейчас они не струились блестящим гладким водопадом, а всклокоченные, спутанные, напоминали воронье гнездо. И бледное лицо – не безупречной аристократки в энном поколении, а каким-то чудом выжившего призрака, с синяками под глазами и впалыми щеками. В гроб краше кладут...

Я медленно подняла руку и, чуть наклонившись над раковиной, коснулась зеркала, отражение повторило мое движение. А кончики пальцев ощутили прохладную поверхность. Опустив руку, я осмотрела ее, затем и все тело, убеждаясь, что оно не мое. Не родимый рыжий пухляш метр с кепкой ростом по прозвищу Томат, а высохшая из-за болезни и страданий, костлявая вобла. То есть, меня каким-то чудовищным, а не сказочным образом закинуло в чужое тело. А судя по страшилкам, что я до этого принудительно смотрела в «исторической драме», хозяйка тела пыталась самоубиться, но в мир иной отправилась лишь ее душа. Я с минуту прислушивалась к «себе», пытаюсь найти отголоски кого-то еще, орала мысленно, звала Эмарию, но в ответ – тишина.

Пришлось снова пощипать себя, постучать костяшками пальцев по раковине, даже по лбу. Ну, а вдруг там кто-то откликнется. Но больно было лишь мне, новой мне!

– Я живая, – наконец призналась себе сиплым шепотом.

Только не от страха, я-то «помнила», с чего мой голос скрежетал. Но стоило принять одну истину, в голову внезапно вторглась другая: я живая, а Вика с Женькой – нет. Их больше нет!

Голову вновь, уже кажется привычно, взорвало от воспоминаний, своих и ее, той бедной девочки Эмари, тело которой я заняла непостижимым образом. Они трое безвозвратно ушли за грань, а я осталась одна. Брошенная. Одинокая. Живая!

В грудь будто нож вонзили, такая боль разлилась, а из глотки сам по себе вырвался тоскливый вой. Женечка... Вкусик... девчонки, мои любимые и родные девчонки...

– Лея... Лея Эмари... – в дверь посыпались удары, похоже, рисса Лишана пыталась прорваться ко мне. – Родная моя, открой, слышишь, открой мне.

В ее голосе слышался неподдельный ужас, страх за подопечную. А я осознала, что вою, как волчица, потерявшая всю стаю и выводок, с отчаянной и горестной тоской, выплескивая свою боль потери и одиночество.

Как же так, ведь Анхелла сказала, обещала, что мы с девочками даже за гранью будем вместе, помогать и защищать? Мы отныне родные, семья! А теперь я в ином мире, в чужом теле, живая и без них...

– Эмари, открой, открой, моя девочка! – все громче голосила нянька, к ней уже присоединились и мужские голоса: – Откройте, откройте...

Я же пыталась удержаться на ногах, вцепившись в край раковины, и тарасилась в отражение. Только на меня смотрели не родные карие глаза, в разные стороны топорщились не рыжие волосы, не было груди третьего размера и крутых бедер. На меня глядели глаза чужого человека, хотя и в них больше не было той ранее привычной застенчивой кротости, они смотрели не ласково, а с отчаянием загнанного в ловушку зверя. А еще, в них заглялись невиданные ранее золотистые искорки, которых у прежней Эмари не было!

Дверь вынесли вместе с защелкой, на пороге замерли испуганные слуги и каждый был мне знаком по воспоминаниям девушки. Только сейчас я в ужасе осознала, приняла, что видела в беспомыслии не кино в жанре исторической драмы, а перенимала чужие воспоминания. Родилась с чужим телом и его памятью.

– Хозяйка, как же так-то... – удрученно вздохнул рисс Парин – дворецкий, сухой невысокий мужчина лет семидесяти, который по крепости духа еще на ваших похоронах ненароком простудиться может.

В унисон с ним рисса Лишана, няня девушки, взволнованно причитала, оглядывая ванную:

– Что-то случилось? Детка, ты кричала?..

Титаническим трудом я заставила себя выпустить край раковины из мертвенного захвата пальцев. И поглубже задвинув панику, отчаяние и страх перед невыносимой, нереальной и чудовищной подменой реальности, выпрямилась со словами:

– Прощалась с прошлым.

Мой голос был даже не сиплым, скрипучим, словно вдрызг простуженным.

– Лея Эмария, голубушка, не надо больше вредить себе. Это неправильно и...

– Полностью согласна, – оборвала я няню, а потом, поморщившись, хрипло «призналась», изображая досаду и стыд: – Это была кошмарная случайность. Накануне я вспомнила родителей... плакала... много и, видимо, в слезах нечаянно ошиблась. Так голова разболелась, что решила принять обезболивающее. Но перепутала бутылочки с зельями... а после, даже на помощь позвать не смогла. Голос пропал...

– Это правда? – с робкой надеждой выдохнула няня, глядя на меня такими теплыми, добрыми и родными, по воспоминаниям, карими глазами.

Вот как врать, глядя в глаза хорошему человеку, желающему тебе только добра? Но из лучших побуждений пришлось:

– Да!

И все, из меня словно все силы разом ушли, колени задрожали, меня затошнило, поэтому я прикрыла глаза и вновь вцепилась в раковину. Но не сползла на пол, постояла, переждав неприятные мгновения, и отметила, что следившие за мной слуги почему-то расстроено хмурились. Не поверили? Я бы тоже себе не поверила. Эмарию фин Ришен слишком хорошо готовили в целители, родители не пускали обучение на самотек, а тщательно следили. Перепутать яд с лекарством от головной боли, бред? Тем более как целитель легко бы сама могла справиться.

– Я такая голодная, что ноги не держат. – Расстроено пожаловалась я.

– Лея, вы правда хотите кушать? – с надеждой неуверенно переспросила рисса Лишана.

– Очень, – осторожно кивнула я, борясь с тошнотой.

Чем явно порадовала этих людей, искренне любивших юную хозяйку и нежно заботившихся о ней.

– Хвала Высшим! – глухо, с облегчением выдохнул рисс Парин, развернувшись и подталкивая на выход из ванной остальных.

Испуг медленно таял на лицах этих чужих-своих людей, а я осознала еще кое-что очень важное: случившееся до печенок напугало не только меня. В поместье Ришен, названному по имени хозяев, жили и служили десять человек, разновозрастных и разнополых, супругов и одиноких. Большею частью слишком старых, чтобы менять место. Эти десять слуг прожили бок о бок с семейством Ришен всю свою жизнь. Они потеряли не меньше Эмари. И осиротели. Тот, кто не имел семьи и дома, для кого самыми родными были две подруги и директор детского дома с воспитателями, как никто поймет боль и отчаяние именно этих людей.

Теперь я на месте Эмари. И в отличие от нее, не имею морального права, не смогу бросить тех, чья жизнь теперь зависит от меня.

Не зря у нас с подругами был девиз: «Своих в беде не бросаем!» Глаза защищало от сразу подступивших слез, грудь сдавило от боли и тоски. Пришлось пару раз глубоко вдохнуть-выдохнуть и вновь посмотреть в зеркало – убедиться, что сон не сон. Я закусила губу, потеряла лицо свободной ладонью... Все реальность. Не вымысел больного сознания. Живая... больная... одна!

Но как же это случилось? Каким образом? Момент смерти – как в тумане, все остальное – в крошечной темноте без единого проблеска воспоминаний. Выжить, упав в шахту лифта с тридцатого этажа, нереально, мы трое погибли фактически одновременно, с разницей в секунды. Ритуал Анхеллы оказался не дурацким розыгрышем и шуткой, ведь она действи-

тельно открыла незримые двери в непостижимые для меня миры. Я своими глазами, лично видела тех до ужаса пугавших потусторонних существ, что до последнего гнались за нами.

Выходит, и слова ведуньи могут быть правдой: мы с девочками навечно связаны и не потеряемся даже за гранью. И если я приму этот вывод за аксиому, значит, ритуал, проведенный для нас перед смертью – правда!

Второй вывод: тогда правда и то, что ведунья добавила нам магии, причем, мне в двойном размере, вон даже местный целитель заметил, что у Эмари дар усилился. Женька просила любви побольше, а Вуксик хотела удачи с довеском.

Ну, раз мне повезло, значит и им тоже. Дышать сразу стало легче, будто с груди бетонную плиту сняли. Я приняла свою новую жизнь, я верю, что мы все трое живы! Ведь пока веришь, сказка становится былью. Мне ли не знать, стоя чужими ногами на холодном полу и испытывая дикий голод.

– Лея, вы хорошо себя чувствуете? – глухо, но очень осторожно спросила рисса Лишана.

– Плохо, нянюшка, но значительно лучше, чем недавно, – я старалась говорить привычным ей ласковым и кротким тоном Эмари и улыбаться похоже на нее. – Главное, жива осталась. Впредь буду очень-очень внимательной, этот урок я на всю жизнь запомнила.

– Лапушка ты моя, бедняжечка, наверное, натерпелась страху-то, – с облегчением суежилась няня, обнимая меня за талию и помогая идти к дверям.

– Мне бы вымыться сначала, – прошептала я, ощущая как жар смущения заливает лицо.

Мы встретились взглядами, она почему-то с еще большим облегчением хихикнула и сказала остальной прислуге закрыть дверь. И мне впервые в жизни лично, а не наблюдателем в «кино», пришлось смиренно терпеть все «прелести» ухода за аристократическим телом от заботливой прислуги. Жесть!

Зато вскоре я, вымытая, накормленная и расчесанная до блеска, лежала в теплой кровати и слушала уютный треск пламени в камине.

Сон был без сновидений.

Глава 3

Мне потребовалось три дня, чтобы восстановиться физически. Не без помощи целителя – импозантного мэтра Коллея, прибывшего на следующий день к «бедняжке», чтобы проверить ее состояние. Как и в памяти Эмари, он оказался довольно высоким и крепким мужчиной на вид тридцати лет. Хотя внешность в данном случае весьма обманчива – возраст мага точно не определить, ведь благодаря магии ее носители могут долго сохранять свежесть и молодость. Но я знала, что мэтр Коллей – одноклассник «моего» отца, а значит ему примерно пятьдесят лет.

Целитель поводит над моим телом светившимися руками, отчего я замерла испуганно-восхищенно, порадовал няню, что с ее подопечной все в порядке. А лично мне попенял за невнимательность в обращении с ядовитыми зельями. Мою версию случившегося принял, конечно, но не поверил, по глазам видела. И уехал, мне показалось, с облегчением, что я теперь не его забота.

Так что физически я выздоровела, а вот ментально... Сложно полностью осознать и окончательно принять это весьма специфическое и сказочное переселение души. Слоняясь по дому, сидя в «своей» комнате, даже разочек побывав в саду, я ощущала себя призраком с того света, который нечаянно забрел в мир живых.

К тому же за мной следили, неумело, но преданно. Хотя у меня повышенное внимание домашних вызвало благодарную улыбку, ведь это тоже забота о человеке, пережившем трагедию, слабой юной сироте, которая просто не справилась. Такое, к сожалению, случается. Ведь и я потеряла двух самых-самых родных и близких. Жить с этой потерей еще предстоит научиться.

И хоть я поняла, что двигало Эмарией, как человек, попавший в схожую ситуацию, владела ее памятью, переживала ее чувства, но принять ее выбор, ее выход из душевных страданий не смогла. Жизнь дается богом и только ему ее забирать.

Этим утром я никак не могла найти риссу Лишану, она словно пряталась от меня. В итоге я решилась зайти к ней в комнату на первом этаже в крыле для прислуги. Подняла руку постучать в дверь и услышала всхлипы. Не раздумывая, зашла. Увидев, что моя пожилая нянюшка содрогается всем телом, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки, я разволновалась:

– Рисса Лишана, что с вами? Вам плохо? Вы заболели?

Свою магию я ощущала лишь периодически, какими-то горячими волнами-приливами, но пока даже подступиться к ней опасалась. Я сама выбрала профессию врача, теперь еще и тело получила с соответствующим даром. Поэтому, увидев, что женщине плохо, на инстинктах и рефлексх собственного сознания и памяти прошлой хозяйки, положила руки на плечи сжавшейся от горя Лишане и невольно начала «сканировать».

Только спустя несколько секунд поняла, что сделала и, отчаянно волнуясь, уже осознанно взяла этот процесс под контроль. Даже увлеклась изучением того, что возникло перед внутренним взором. Я оказалась прямо как фантастический всевидящий сканер, а не допотопный рентген. Эх, вот бы на Землю такие умения всем врачам, какая жизнь бы началась...

Болячек у риссы Лишаны нашлось много, но ничего критического или серьезного, все по возрасту, увы. Используя память Эмари, я слегка подлатала ее тело, особенно поддерживала изношенные сердце и суставы. Удивительно, но мне самой неожиданно полегчало, словно выпустила пар, как из кипящего чайника. Так, значит необходимо магичить, иначе простой и безделье на моем здоровье сказаться могут.

Довольная собой, я с облегчением, с улыбкой села на второй стул. И вот тут рисса Лишана подняла заплаканное, осунувшееся лицо и, страдая, задала самый неожиданный вопрос:

– Эмария... она же умерла? Ты ведь не моя девочка...

Мы замерли, глядя глаза в глаза. Я этого очень боялась, любящие и родные подмену всегда избобличат. И не важно, насколько хорошо ты владеешь знаниями о чужой жизни. Жесты, мимика, даже взгляд откроют истину тем, кто знает тебя с пеленок.

– Мне очень жаль, рисса Лишана, – хрипло шепнула я, кивнув.

Она тоже закивала, без криков и истерики, просто подтвердила свои самые страшные подозрения.

– Вы же понимаете, что вам никто не поверит? – осторожно уточнила я.

Она с горечью мотнула головой, передернула плечами и стиснула руки на столе в замок. Потом хрипло ответила, моргая от скапливающихся в глазах слез:

– Да теперь уже какая разница, мою девочку все равно не вернуть. Ни Эмарию, ни лея Гречана, ни моего Лукаша... Они все ушли за грань, а меня оставили одну... доживать свой век.

– Вы не одна, – попробовала я ее приободрить. – Рисс Парин, Ртышек, Глеарик, как же они без вас? Да и я тоже...

Рисса Лишана высморкалась в белый платочек, вытерла изрезанное морщинками, когда-то красивое лицо, пожала плечами и вздохнула:

– Справились бы и без меня.

– А как вы поняли? – тихо спросила я о самом важном, полагая, что она поймет о чем.

Рисса Лишана, опустив глаза, теребила влажный, смятый платок. Не решившись посмотреть на меня, призналась:

– Взгляд... Он у вас совершенно другой, более взрослый, подозрительный, как у затравленного зверя, который на все способен.

– О-о-о... – с досадой выдохнула я.

Мои девочки говорили, что я всегда смотрела исподлобья, как бы сквозь ресницы, пряталась за ними от всех и всего, ждала очередной подставы от мира. Скрывала вечно терзавший меня страх.

– За столом вам вроде все знакомо, но... нет привычной ловкости и изящества. Как держать столовые приборы. Как резать мясо или разделявать рыбу... Вы вздрагиваете каждый раз, когда прислуга меняет блюда, наливает чай...

– Вы правы, у меня была иная жизнь, – согласилась я, печально кивая.

– Я мыла тебя... Эмарию с рождения, она привыкла к моим рукам, как к своим, для вас же я совершенно посторонний человек. Вам настолько неловко сидеть обнаженной при мне, что вы не знаете куда деть глаза, невольно закрываетесь ладонями. Да и руки... я несколько раз ловила вас за изучением собственных рук, будто они для вас чужие, незнакомые и непривычные. Пришлось признать, что Эмария все же добилась желаемого, ушла к родителям, – женщина говорила на одном дыхании, будто боялась, что, если за раз не успеет, просто не сможет. Горло сожмет от кошмарных предположений и догадок.

– Поверьте, вы не представляете, как я сожалею о вашей потере, – хрипло призналась я. – Ее память при мне, я знаю, как ей было страшно, как непосильно одиноко, что она не захотела здесь оставаться... проще оказалось уйти.

– Скажите, вы посланница Смерти? – наконец моя собеседница решилась на откровенный разговор.

В ее глазах было столько самых противоречивых чувств: страха перед чем-то запредельным, сожаления, любопытства и боли утраты.

Впрочем, я испытывала те же чувства, мне было жизненно важно кому-то рассказать о случившемся со мной, о моих девочках, об их потере, хотелось выплеснуть свою боль хоть одной живой душе. Поэтому сама не заметила, как внутреннюю плотину прорвало, тихонечко, почти шепотом, но буквально захлебываясь эмоциями, рассказала о себе все. Под конец мы

сидели, прижавшись друг к дружке, плечом к плечу, держась за руки, и оплакивали утраты. Опустошались до самого доньшка, больно, зато обрели спокойствие. И какое-то единство.

– У вас похожие имена, Эмария и Мария, – с печальной улыбкой заметила рисса Лишана, ее голова покачивалась верх-вниз, верх-вниз, будто кивала своим мыслям.

– Дома меня все звали просто Машей, – шмыгнув носом и вытерев глаза, поведала я.

И сразу ощутила, как от рук по лицу пробежалось приятное тепло. Ага, похоже, магия стирает последствия истерики.

Няня бывшей хозяйки тела светло улыбнулась:

– Лея Ромалия Эмарию называла ласково – Рия. Но Маша тоже по-доброму звучит, мило, душевно.

– Если хотите, если вам так будет легче, можете называть меня Машей. А другим скажем, что меня иногда родители коротко звали и теперь я хочу, чтобы так обращались. Хотя бы дома...

Рисса Лишана несколько мгновений растерянно смотрела мне в глаза, кивая. Явно неврология на фоне стресса. Затем опять мягко улыбнулась:

– Да, так мне будет действительно легче, благодарю вас, лея Маша.

– Если честно, мне тоже, – обрадовалась я.

– Тяжело тебе придется, девочка, без поддержки-то, – неожиданно с горечью заметила она. – Рисс Мурдяк – редкостный мерзавец, а он опекун... Эмари.

Будучи знакома с его мерзкой натурой по воспоминаниям несчастной девушки, которую он толкнул к черному пузырьку с отравой, я решила и сама не унывать, и пожилую женщину успокоить:

– Вместе мы непременно справимся!

Наши посиделки с няней прервал короткий стук в дверь. Затем в приоткрывшийся дверной проем просунулась рыжая вихрастая голова племянника дворецкого. Найдя меня взглядом, Глерик доложил, что к лее Эмари приехал опекун и хочет ее видеть. Ожидает в гостиной.

– Доложи ему, что сейчас буду, – кивнула я этому крупному безобидному тридцатилетнему детине с разумом подростка.

Я встала, мягко пожала плечо няни, а она неожиданно всполошилась, едва слышно зашептав мне:

– Будь кроткой и тихой, чтобы рисс Мурдяк не сказал и не сделал, сейчас только от него зависит твоя судьба! И старайся не смотреть ему прямо в глаза.

– Я настолько отличаюсь от прежней, что даже он способен заметить? – напряглась я.

– Да, ты взглядом бросаешь вызов, еще и этих золотистых искорок в глазах раньше не было, значит ты еще сильнее привлечешь к себе его внимание. Не надо этого делать, – торопливым шепотом советовала Лишана. – Он страшный, очень страшный человек. Будь предельно осторожной... лея Маша.

Она была такая теплая, родная и, несмотря на мое разоблачение, заботливой, что я поддалась порыву и крепко ее обняла, шепнув:

– Сделаю все возможное, нянюшка!

За дверью я на минутку остановилась, успокаивая дыхание и старательно собирая уверенность и спокойствие. Золотые искорки в глазах... Да, у Эмари их не было. А у меня проявлялись, только когда сильно волновалась, причем, я это лишь вчера отметила. Выходит, и няня тоже, а может и другие. Действительно, надо быть осторожнее: мало ли о чем эти искры говорят? Вдруг признают во мне подменную душу? Хотя в истории Хартана о подобных случаях не упоминали, вроде бы.

У окна в гостиной меня ждал высокий, худощавый, немного сутулый мужчина. Я остановилась в дверях рассмотреть его и столкнулась с очередным проявлением моей магии. Видимо из-за того, что я наконец потянулась к ней, начала использовать, когда лечила няню, мы с ней

сроднились что ли. Я острее чувствовала окружающий мир и людей, их энергетику. Поэтому сразу же ощутила, что в моем троюродном кузене со стороны матери риссе Родиге Мурдяке нет ни капельки магии. То есть, он обычный человек, который проживет почти привычный мне, землянке, век. А еще он ведет совершенно нездоровый образ жизни, чем может этот самый век значительно сократить.

Чертов опекун обернулся ко мне с демонстративной, неторопливой и самодовольной уверенностью хозяина жизни. И впился в меня блеклыми голубыми глазами. Я же свои прикрыла веером ресниц и уткнулась взглядом в комод, в метре от него. Как выглядит этот мужчина, сживший со свету светлую душу, я прекрасно запомнила. Темноволосый, лет тридцати, не лез бы в чужую кассу и к Эмари, был бы ничего, несмотря на фамилию. А так мне не нравилось, нет, не так, было противно в нем абсолютно все: вытянутое лицо, нос с широковатой переносицей и тонкими широкими крыльями, губы, узкие и «злые» с претенциозной ниточкой усов, острый подбородок. По-моему, его мерзкий, вороватый нрав лез ото всюду, проявлялся в каждой черточке, манерах.

Даже оделся, как распоследний хлыщ, в шелковый синий сюртук, прямые штаны из тонкой шерсти, туфли с большими серебряными пряжками. Все пальцы в кольцах, на груди жабо и большая брошь. Это смесь моды двух разных веков, дорого, заметно, но так оденется тот, кто, несмотря на принадлежность к древнему роду, не уверен в себе, не самодостаточен, у кого напрочь отсутствует чувство стиля и меры, даже если есть средства. В общем, дальняя непутная ветвь, десятая вода на киселе.

– Приветствую вас, рисс Мурдяк, – кротко проблеяла я.

– Лея Эмария, мне доложили, что ты чем-то отравилась и провела три дня в беспамятстве. Что произошло? – с места в карьер, без хотя бы формального приветствия заявил этот хам.

Я краем глаза отметила, как придирчиво и внимательно он меня осмотрел, и подобралась. Раз ему доложили о моем состоянии только сейчас, спустя шесть дней, значит доносчик живет не в моем доме, а каким-то боком узнал, что у нас случилось. Это хорошо. Но Мурдяк забыл об этикете и элементарной вежливости и тыкает – это очень плохо. Ведь он рисс, хоть и состоятельный, а я лея – аристократка и наследница титула, по достижении совершеннолетия стану полноправной баронессой. Значит, несоизмеримо выше его по статусу, даже будучи бедной как церковная мышь.

– Я плохо себя чувствовала, магия шалила, пришлось принять зелье от головной боли. Но, видимо, перепутала и мне стало еще хуже. Хвала Высшим, оправилась! – я говорила медленно, подбирая слова, привычные этому миру, самой Эмарии.

– Ты целительница, неужели не могла себе сразу помочь? – визитер разозлился не на шутку.

– Смогла, но на это потребовалось время, – тихо ответила я, усилием воли удерживая показное спокойствие.

Опекун приблизился ко мне почти вплотную и снова подверг мою выдержку проверке. Потому что вынудил поднять лицо и смотреть на него, придерживая мой подбородок. Совсем обнаглел. Но смотреть сквозь ресницы я научилась давно, поэтому вряд ли он увидит «звездную» расцветку моих глаз, если она проявится от волнения.

– Через три недели тебе исполнится восемнадцать. Я решил, что этот день прекрасно подойдет для брачного обряда.

Неужели я что-то пропустила в воспоминаниях Эмарии про брак? Родители точно даже не заводили об этом речи, ведь живут маги до двухсот, куда торопиться?! Я растерялась, но тут в голову пришла логичная мысль:

– Вы собираетесь вступить в брак, рисс? С кем?

– С тобой. Я решил, что в этот день ты станешь моей женой, Эмария, – процедил Мурдяк.

На миг я зажмурилась, даже руки в кулаки сцепила, стояла перед ним натянутой струной, старательно заталкивая куда подальше свое возмущение и жгучее желание дать в морду. Уговаривала, напоминала себе, что не на Земле, не в детдоме! Не самостоятельная студентка двадцати одного года под защитой двух подруг, которые всегда придут на помощь советом и кулаком врагу в глаз. Здесь я кроткий безответный цветочек Эмария, не способная противиться опекунской воле. Пусть такой и считает. Пока.

Сил хватило коротко и как-то судорожно кивнуть и, втянув голову в плечи, отстраниться от чужих потных пальцев. Отступить на шагочек, чтобы вдохнуть глоточек воздуха подальше от слишком приторного запаха мужских духов.

Довольно хмыкнув, Мурдяк бросил на стол кошель, ну очень-очень скромненько звякнувший тощенький мешочек, наверное, парой монет.

– Я дал указание управляющему, на этой неделе тебе предоставят коляску с кучером, съездишь к портнихе в Ройзмун, купишь подвенечное платье.

– А обряд и...

– Он пройдет третьего января ровно в полдень. Коляску тебе снова предоставят к этому времени.

– Я вас услышала, росс Мурдяк, – выбрала наиболее обтекаемый ответ.

– Только приведи себя в порядок, а то сейчас ты похожа на привидение. Бледная и замученная. Моя невеста не должна выглядеть так, словно ее силком в храм привели. Ты меня услышала? – раздраженно скривился жених.

– К сожалению, с этим могут возникнуть проблемы, – решила поторговаться я печальным голосом, самой себе противным. – У нас очень скудный стол, росс, приходится экономить...

– Может, мне уволить часть твоей прислуги? Эту никчемную толпу престарелых нахлебников, раз тебе на нормальную еду не хватает? – взбесился опекун.

Я промолчала, только, не глядя на него, приподняла подбородок, всем видом показывая, что против этого предложения. Категорически! Так мы и стояли в тягостном молчании: он – взглядом прожигал меня, а я – старательно отводила свой, но упорно ждала ответа.

Рядом с сиротливо приютившимся на краю стола тощим кошельком злобно звякнуло несколько серебряных монет.

Ура, я выиграла, пусть и совсем крохотную битву. Я не гордая, я ответственная. Молча и деловито собрала деньги со стола и сложила в худосочный кошелек к действительно двум золотым, печально там томившимся. Затем кротко спросила:

– Благодарю вас, росс, я могу я быть свободной?

У меня скулы сводило от напряжения. Ну хотя бы покладистость будущей жены успокоила этого подлого гада; видимо, оттого он не стал ни меня задерживать, ни себя. Кивнул и отослал меня коротким жестом холеной руки с некрасивыми узловатыми пальцами. Я еще раз кивнула на прощание и покинула комнату. Правда недалеко, спряталась за лестницу и проводила взглядом удалившегося «жениха». Стоило ему выйти из дома, я ринулась к ближайшему окну, чтобы убедиться: укатил!

Уехал на черной карете с гербом барона Ришена на дверях и запряженной двойкой породистых коней. Вот только этот экипаж моей семье не принадлежал! Как интересно. Выходит, муд... Мурдяк абсолютно уверен, что Эмария фин Ришен станет его женой и титул барона уже у него в кармане. Любым способом!

Когда задок подпрыгивавшей на ухабах кареты скрылся за затейливыми коваными воротами в глубине дубовой аллеи, мои кулаки сжались сами собой. Покорной овцой идти под венец? Ни за что. Но бросить поместье и пожилых людей, которые служили здесь всю свою жизнь, для которых оно родной и единственный дом, нельзя. Необходимо найти законный спо-

соб избавиться от опекуна и навязываемого брака. И взять бразды правления своей жизнью в собственные руки.

От Эмarii я многое узнала, но девушка-нежный-цветок была совершенно далека от юридических аспектов жизни королевства. А вот мне необходимо как можно быстрее познакомиться с ними и подружиться. Вопрос: где можно добыть в этом доме полезные книги и информацию? Покопавшись в памяти Эмarii, я направилась в кабинет ее почившего отца. Заодно попросила мне помочь испуганную и заметно нервничавшую риссу Лишану. Вдвоем веселее.

И правильно сделала! После разговора с няней с моих плеч словно огромный груз упал. Появилась ясность, большая уверенность, в душе, наконец, все улеглось. Я будто наполнилась жизнью, не когда очнулась, а именно сейчас, когда выплеснула все плохое. Когда рисса Лишана назвала меня Машей, а не Эмарией, словно выдернула меня из мира призраков, вдохнула жизнь. И теперь с каждой минутой я ощущала прежнюю жажду жизни, любви и победы.

Кабинет хозяина поместья, его святая святых, был защищен родовой магией. Очень даже правильное решение, дальновидное, благодаря которому мерзавец Мурдяк и приставленный им к поместью пройдоха управляющий не смогли в него попасть. А Эмарию даже не попросили помочь почему-то, хотя ясно почему: что-то скрывают от нее... меня, жулики! Сама наследница ни разу не заходила в отцовский кабинет, ей было слишком больно находиться там, где все напоминало о родителях.

Коснувшись ладонью заветной двери, я вошла без проблем, только с трепетом пещерного человека, вновь ощутив отголосок магии. Надо срочно с ней знакомиться как можно теснее!

Няня оказалась бесполезной при обыске кабинета: круглыми от изумления глазами, с опаской понаблюдала за моими бесцеремонными действиями и хрипло призналась, что не знает, чем помочь. О том, что опекун задумал жениться на подопечной она заподозрила давно, но как его остановить, представления не имела. Ведь пока он опекун, назначенный короной, – всесилен. Поэтому я ее отпустила и закопалась в найденных документах с головой.

Три дня я изучала каждый лист бумаги в кабинете отца. Простучала все стены и полы и не зря – обнаружила небольшой тайник! Помимо завещания, где я указана единственной наследницей баронства, там лежало несколько футляров с драгоценностями, родовыми, давным-давно принадлежавшими семье барона. Это я поняла по плохо обработанным, но крупным камням, зато в изумительном, филигранном, серебряном и золотом оформлении. Одно ожерелье – словно кружевная сеточка. Аж дух захватывало! Подобные сокровища не продают за еду, их передают только по наследству, как память рода, как честь и гордость семьи.

Ничего доставать из тайника, кроме завещания, не стала. Сокровища лучше хранить только в тщательно спрятанном тайнике. А вот завещание изучила до последней буквы. Помимо него, еще и документы, из которых узнала, что именно мне досталось в наследство. Фин Ришены – давно обедневший дворянский род, ему принадлежит весьма и весьма скромный уезд с лесными угодьями и тремя деревнями, где жители – арендаторы. Так вот, выплачиваемая ежегодно аренда и являлась источником дохода барона и его семьи. Раньше его хватало, чтобы жить вполне комфортно, не испытывая серьезных финансовых трудностей. Без шика, конечно, но без надрыва оплачивая прислугу, учителей наследницы, насущные потребности и налоги королю.

Наши земельные угодья плодородные, лес тоже кормит жителей, по уезду протекает река, по которой ходят мелкие торговые суда, рыбачат, за что тоже платится баронский налог. Но все эти деньги вдруг резко испарились, стоило за дело взяться Мурдяку с управляющим.

– Лея Маша, надо покушать, иначе совсем исхудаете, – отвлекла меня от новой находки рисса Лишана, ставя на стол в кабинете вкусно пахнущий поднос.

– Да-да, благодарю, нянюшка! – я нашла в себе силы беззаботно улыбнуться ей.

В глазах этой милейшей пожилой женщины таилась боль утраты, но она смирилась. И теперь от всей своей огромной души заботилась обо мне. Чтобы не расстраивать ее, я быстро поела и продолжила изучать кабинет.

Неожиданно я обнаружила еще один тайник – скрытый выдвижной ящик в столе. В нем оказалось несколько толстых тетрадей, исписанных мелким каллиграфическим почерком барона. Вчитавшись, поняла, что это мемуары, воспоминания, философские мысли, в общем, то что проще доверить бумаге, чем кому-то рассказать. Даже зачиталась и была вознаграждена за любопытство – почерпнула из записей барона очень и очень важную информацию. Ту, что спасет мне жизнь!

Мэтр Коллей, бывший однокурсник и хороший друг барона фин Ришена, не соврал. Магии у Эмариин фин Ришен после похода за грань добавилось изрядно. А может это ритуал Анхеллы сработал, и моя душа добавила свои «пять золотых» в общую копилку, ведь я магию просила у ведуньи – чего было мелочиться? – в двойном размере!

Семья фин Ришенов происходила из древнего рода магов жизни. Из категории магов с колоссальным резервом сил и способных на многое, пока в пациенте теплится хотя бы искра жизни. И золотые искорки в зеленой радужке – самый главный указатель на эту категорию магов. Мне бы порадоваться и корону закрепить – почти мегамагом стала. Но! Маг жизни не может ни убить, ни навредить, иначе получит магический откат, да такой, что сам сдохнуть захочет, только целительский дар не позволит. Не зря же Эмариин пила ту жуткую дрянь, чтобы заглушить свой дар, чуть не выжгла глотку до костей.

Оказывается, на силу любого светлого мага влияют эмоции: положительные – усиливают, негативные – ослабляют. Один из интересных нюансов этого влияния – все светлые маги в той или иной степени «страдают» честностью. По-разному, потому что откат зависит от степени негативных эмоций, испытываемых светлым магом, кто-то более совестливый, кто-то – менее. Оттого маги старательно избегают всего, что способно сдвинуть качели внутренней гармонии в сторону негатива.

Но целители – отдельная каста магов, не уникальная, просто с большей ответственностью. При поступлении в магическую академию они дают клятву, усиливая свою откровенность. На прямой вопрос целитель, причем любой категории, врать не станет, иначе заработает такой откат, что мало не покажется, если верить личному опыту моего биологического батюшки. Отсюда глобальный вопрос: как жить в мире, где тебе придется быть честным со всеми, а тебе могут врать прямо в глаза? То еще приключение! Придется научиться уходить от ответов, юлить и умалчивать, отвечать вопросом на вопрос, как моя любимая Шапокляк делала. Среди светлых магов это, оказывается, общепринятый и очень важный навык, которому с детства учатся. Только Эмарию этим умением обошли, увы.

Еще один неприятный для магов момент. Все, без исключения, люди заключают браки в храмах Всех Богов и разводы здесь, мягко говоря, не приветствуются, хоть и возможны. У обычных, не одаренных магией! Но ритуал в храме проводится жрецами с использованием магии, отсюда и неразрывная связь в том случае, если в брак вступают маги. Фактически это уже двойная связь, юридическая и магическая. В двойной «связке» не сбежишь!

И вот здесь кроется даже не подвох, а смертельная засада. Из мемуаров отца Эмариин следовало, что маг жизни влюбляется один раз и на всю жизнь. Его любовь такая же сильная и безраздельная, как и дар. А если мага жизни свяжут нежеланными отношениями, особенно браком с нелюбимым, – погубят. Дар не примет подделку, не вынесет страданий носителя, сначала будет жечь душу, а потом уйдет, иссякнет. Только потеря магии для мага жизни вовсе не означает жизнь обычного человека, не проживет он привычный человеческий век, не дожидется старости, ведь тело практически пронизывают энергетические каналы, питают его. Покинет магия – уйдет и жизнь.

В общем, если я не избавлюсь от навязываемого мне брака, просто умру.

Я сидела в отцовском кресле и размышляла. Похоже, рисс Мурдяк захотел поймать двух зайцев: стать бароном фин Ришеном, а попутно заключить с Эмарией магический брак, что позволит ему продлить свою собственную жизнь. Питаться крохами ее силы через брачную связь... Мерзавец.

Да уж, ситуация очень и очень нехорошая, несмотря на то что я обладаю знаниями Эмарии об этом мире и памятью своей и ее прошлой жизни. Потому что талмуды, где собраны все законы, подзаконы и правила местной юриспруденции вызвали отчаянное уныние даже у меня, бывшей студентки лечебного факультета медицинского университета. Наскоком эту вершину мне даже за год не осилить, про три недели до роковой даты уже молчу.

Постучав пальцами по столу в поисках новых идей, я натолкнулась взглядом на высокую стопку пожелтевших газет на комод. Хм, как говорится, не можешь найти решение сам, спроси совета у более опытного и подкованного товарища. В его поиске мне и помогли аккуратно сложенные и, как в начале думала, зачем-то хранившиеся желтоватые газетные листы.

Я изучала их с фанатизмом студента-первокурсника перед сдачей анатомии. Мне было интересно все: от помолвок и свадеб до некрологов; выигранные или проигранные судебные тяжбы; рекламные объявления начинающих портних и уже солидных ателье; городские события и праздники. Нашла даже парочку весьма забавных статей, где журналисты во всю ругали отчаянных студентов Ройзмунской магической академии, которые под новый год ежегодно устраивали в столичных тавернах празднества, неизменно заканчивавшиеся потасовками и погромами с магическими проделками. Припомнили им перекрашенные в розовый цвет волосы городских стражников, явившихся наводить порядок среди пьяни. Были забавные ситуации, когда студенты меняли местами памятники на площадях. Из последних новостей: негодники поменяли вывески королевского суда и борделя. Начавшееся было громкое разбирательство быстро затухло. Видимо, власти не захотели устраивать цирк из пьяной выходки.

Изучая судебную колонку на четвертом развороте в самом углу, я подметила одну частенько встречающуюся фамилию. Фамилию особо удачливого поверенного из низов, который вел самые неоднозначные дела, защищая интересы торговцев и более-менее состоятельных горожан. Его имя и адрес я выписала на отдельный листочек и спрятала в карман.

Спустя четыре дня за мной прислали коляску для поездки в столицу за венчальным платьем. В дорогу я отправилась в сопровождении риссы Лишаны. Хорошо, что компаньонка для леди в этом королевстве требуется только до совершеннолетия. Далее высокородная девица обретает права, даже более широкие, чем в схожие исторические времена на Земле. Хотя на Хартане многое отличается, очень многое. Здесь мир контрастов, в одном королевстве одни правила, в другом – другие. Но на данный момент меня волновали исключительно байратские реалии.

Да, Эмария много раз бывала в столице и ее улицы для меня не были незнакомыми. Но сейчас это именно я впитывала шумы, запахи, энергетику чужого города. Я все сильнее и глубже ощущала себя живой. Своей в этом теле, с этой магией, рядом с риссой Лишаной.

Няня меня еще в доме, перед поездкой, тихонечко предупредила, что хоть коляска с лошастью из Ришена, кучер чужой, явно приставленный женихом, чтобы следил за мной в городе. Мурдяк как пить дать опасался, что сбегу. Но строгий нянин вид, черное вдовье платье и короткая шерстяная накидка, мой – испуганно-застенчивый вид в скромном темно-сером шерстяном платье и пальто, когда я даже в глаза прислуге не гляжу, сделали свое важное шпионское дело. Кучер совершенно расслабился и следовал нашим указаниям без единого пререкания.

По совету риссы Лишаны мы выбрали неброского вида ателье, но я узнала его: здесь шили для семьи барона, ведь бюджет скромный, а наряды по статусу должны быть приличными. Сразу после сердечных приветствий и соболезнований хозяйки ателье – худощавой высокой

женщины – рисса Лишана отвела ее в сторонку. Вскоре няня пила чай с владелицей, а я вышла через черный ход с задней стороны дома и дворами прошла на соседнюю улочку.

Шел снег, а мне было жарко, потому что я очень торопилась, необходимо было пройти целый квартал, чтобы добраться до цели – небольшого, но крепкого, аккуратного дома со скромной вывеской «Поверенный Демьян Аруш».

Отдышавшись, я вошла в приемную, а через минуту секретарь провел меня в кабинет поверенного – высокого, крепкого мужчины лет тридцати пяти, в котором не было ни капли магии, но через край уверенности. Он вежливо встал и предложил присесть напротив него. Я привычно, сквозь ресницы, разглядывала человека, которого хотела нанять защитником и спасителем.

– Секретарь доложил, что вы лея Эмария фин Ришен, он не ошибся? – несколько удивленно уточнил поверенный.

Как и на моей родине, в Байрате во время брачного обряда суженые обмениваются кольцами. У этого мужчины кольцо на пальце было, значит женат, уже хорошо. Серые глаза, умные, хитрые, очень внимательно изучали собеседника, меня будто разбирали по полочкам, чтобы узнать всю подноготную. Мне стало зябко от страха, я начала опасаться, что выбрала очень непростого человека для помощи в решении моих проблем.

– Все верно, рисс Аруш, я баронесса Эмария фин Ришен, – я твердо произнесла имя, выпрямила спину и, сложив руки на коленях, сказала: – Мне требуются ваши услуги.

– Могу я предложить вам снять пальто и горячего чаю?

– Благодарю вас, но у меня весьма ограничено время, – натянуто улыбнулась я.

– Хорошо, лея, я весь внимание, – кивнул рисс Аруш и откинулся на спинку кресла, сложив руки на краешке солидного стола.

– Мои родители погибли шесть месяцев назад при ограблении.

– Об этом знает весь Ройзмун, соболезнаю, – сухо кивнул мужчина.

– Восемнадцать мне исполнится третьего января, через шестнадцать дней, а до тех пор, согласно закону, я нахожусь под опекой троюродного кузена, рисса Родига Мурдяка.

– И в этом случае я могу выразить вам свои соболезнования, – с кривой усмешкой посочувствовал рисс Аруш.

– Четыре дня назад опекун уведомил меня о том, что в день моего совершеннолетия он решил заключить со мной брачный союз.

– И? – черная бровь Аруша приподнялась, а в голосе проскользнул легкий интерес.

– Я категорически против, но в силу ограниченных знаний юридических основ, не представляю, как этого брака избежать.

– То есть, третьего января вам исполнится восемнадцать и именно на этот день он назначил брачный обряд? – подался Аруш ко мне с любопытством.

– Да, в полдень.

– А родились вы когда?

– Э-э-э... на рассвете, – вспомнила я.

– Если опекун вступает в брак со своей несовершеннолетней подопечной, она, или иная заинтересованная сторона, могут оспорить этот брак. Его признают недействительным. Но вы родились третьего числа на рассвете и в полдень обретете свободный совершеннолетний статус, а значит, в брак, пусть и по принуждению, вступите добровольно. Такой брак никто оспорить уже не сможет.

– Я маг, как его можно оспорить или расторгнуть? – удивилась я.

– По решению Королевского суда жрецы проведут обряд отречения и разрыва связи. Это очень сложный, травматичный физически и психологически обряд. Его проводят только с разрешения короля. Но вы баронесса, именно в вашем случае законность соблюдения всех процедур очень важна. Для вашего опекуна!

– Ясно, – выдохнула я мрачно, передернув плечами.

– Простите, юная лея, но у меня слишком много дел для... ни к чему не обязывающих бесед. Зачем вам я? – поторопил меня рисс Аруш.

– Я хочу нанять вас... заключить договор. Чтобы с третьего января именно вы занимались всеми моими делами и защищали мои интересы, – решила я предложить.

– Послушайте, лея Эмария, – едва заметно поморщившись, осторожно начал рисс Аруш, – я искренне сочувствую вам, но благотворительностью заниматься пока не имею возможности. Ведь, насколько мне известно, ваше финансовое положение, мягко говоря, бедственное.

– Это сейчас, но через две недели мое положение в корне изменится, – я задрала подбородок.

Мужчина снисходительно качнул головой, пояснив:

– Все ройзмунские поверенные, в силу специфики своей деятельности, обладают хоть какой-то информацией о финансах большинства более-менее важных или известных фамилий королевства. Род фин Ришен обескровлен. Вашего дохода не хватит даже на оплату моих ежемесячных услуг. Хотя мои услуги не самые дорогие в столице...

Мои кулаки побелели, но я ожидала такого ответа, ведь не зря просидела почти четверо суток, изучая бумаги барона, поэтому предложила:

– Мою родовую казну обчистил нечистоплотный опекун и управляющий, которого он назначил сразу после гибели моих родителей. При грамотном юридическом подходе, мы... вы сможете вернуть хотя бы часть утраченного.

– А может и нет, – спокойно возразил рисс Аруш. – Рисс Мурдяк известен в определенных кругах, в очень нехороших кругах, юная леди. Он достаточно состоятельная личность, чтобы испортить жизнь любому, кто встанет у него на пути к титулу. Я просто не вижу смысла заступать такому человеку дорогу за сомнительную оплату...

– Заключив со мной договор, помимо денег, вы получите одно существенное и неоспоримое преимущество, которое мало кто еще способен вам предоставить в тех кругах, о которых мы с вами говорим и в которых вы, исходя из вашего социального происхождения, вынуждены вращаться и работать, – я выложила свой единственный и главный козырь ледяным тоном.

– Это какое же? – деланно недоуменно спросил он, хотя наверняка понял, о чем речь.

Я ответила сухо и четко:

– Разумеется, звание главного поверенного рода фин Ришен. Вы получите право отиска на любом вашем документе баронской короны. Что означает аристократические привилегии и преимущество в разборе любого вашего дела королевскими службами и судом. – Сделала театральную паузу и чуть иронично добавила: – Ведь мы оба понимаем, что это с лихвой компенсирует вам издержки, связанные с ведением моих скромных, по вашему же мнению, дел.

Рисс Аруш сверлил меня внимательными серыми глазами, уже не препарируя и не раскладывая на части, а скорее собирая в единое целое, правда с другими характеристиками. Изменив мнение.

– Вы правы, подобное предложение имеет свою ценность, – наконец кивнул поверенный. – Я согласен вести ваши дела и стать главным поверенным рода фин Ришен.

– Тогда мы с вами должны заключить договор на крови, что вы никогда не поставите мои интересы ниже своих. Никогда не предадите! И что только я могу разорвать наш договор в одностороннем порядке.

– Вы осознаете, что договор на крови – это...

– Осознаю и прекрасно понимаю, зачем и почему, – оборвала я его. – Видимо, потому что прежний поверенный подобной клятвы не давал, без особенных моральных терзаний перезаключил договор с моим опекуном. И позволил обокрасть меня.

– Я вас понял, – нахмурился рисс Аруш.

Поднявшись, он несколько томительных секунд постоял, явно раздумывая, затем решительно направился к двери в приемную. Быстро вернувшись, усаживаться за стол не стал, а оперся рукой о стол рядом с моим стулом. Наклонился надо мной, с явной целью надавить, не то харизмой, не то наглостью, лишить уверенности, смутить, и заявил:

– Как ваш поверенный в качестве оплаты я возьму процент с ваших будущих доходов.

Подняв голову, я снова скрестились с ним взглядом в молчаливом поединке. В Байрате принята фиксированная ежемесячная или ежегодная оплата услуг поверенных. С учетом его заявления про поверенных, которые все про всех знают, он однозначно надеялся получить больше, чем обычно. Каким образом, если мое наследство, по сути, лишь титул и три деревушки? Я осторожно ответила:

– Хорошо, я согласна, ведь в этом случае мы оба будем заинтересованы в увеличении доходов с моих земель, заботе о них и защите.

– Вы абсолютно верно поняли мои намерения, – улыбнулся мужчина с блеснувшим в глазах облегченным триумфом.

– С одной оговоркой. Это будет процент с дохода с земель или созданных предприятий, относящихся только к роду фин Ришен. В случае моего замужества, к имуществу и доходам моего супруга договор применяться не будет, – уточнила я сухо.

Длинные крепкие пальцы поверенного застучали по столу, пока он руками опирался на него. Пару мгновений досады и Аруш кивнул:

– Да, конечно, я это и имел в виду.

Да-да, я так и поняла. И принужденно улыбнулась:

– Отлично, а как же мы избавим меня от навязываемого брака? И вернем украденное?

– Первое – легко, второе – сложнее, – честно ответил мой поверенный. – На рассвете третьего января вы становитесь совершеннолетней и обретаете полную юридическую самостоятельность. Под моей защитой. Так что на навязанные брачные обряды можете просто не ходить, а все претензии – отправлять сразу ко мне.

– Хотелось бы взглянуть на его морду, когда он осознает, что свадьбы не будет, – не сдержала я мрачной усмешки.

– Лучше не дразнить людей, подобных вашему опекуну, – посоветовал росс Аруш.

– Резонно, а как с возвращением денег? – поинтересовалась я о брэнном.

– Как только вы станете совершеннолетней, я в присутствии законников по утру нагряну с проверкой расходных книг и извещу об увольнении вашего управляющего. Где он купил себе дом три месяца назад, я знаю. Исходя из результата проверки примем дальнейшее решение.

– Благодарю, вас! – обрадовалась я.

– Позвольте мне дать вам совет?

– За советы и опыт я вам и плачу, – с улыбкой позволила я.

– Прошу вас: оставшиеся до совершеннолетия время вести привычный образ жизни, не высовываться, чтобы ни ваш опекун, ни кто-либо еще не заподозрил вас в коварном плане обретения независимости. Этим вы избавите нас от дополнительных проблем и усилий, – усмехнулся Аруш.

– Я обязательно так и поступлю, – кивнула я весело.

– Кстати, договор мы с вами тоже заключим якобы третьего января, на рассвете, – напомнил Аруш.

С формальностями меня ждать не заставили. Вскоре секретарь принес нам всего два листа, где каллиграфическим убористым почерком были четко и внятно прописаны условия нашего сотрудничества. Я придирчиво проверила текст соглашения, тайком изучив на скрытые невидимые надписи, уж как умела, но пришлось довериться своему новоиспеченному поверенному. Потом мы с Арушем подписали договор. Кровью! И самое главное, кольнуло не только острие палец, все мое нутро дрогнуло, ощутив отголосок магии крови. Правильно ли я посту-

пила, узнаю потом, но тот факт, что разорвать договор могу в одностороннем порядке лишь я, успокаивал.

– Встретимся третьего января, – доброжелательно напомнил поверенный, церемонно провожая меня до дверей конторы.

Более того, свистнул куда-то в снежную морось улицы и посадил меня в сухое нутро подскочившего небольшого кэба. Еще и кучеру заплатил, пояснив куда и как меня по-тихому довести.

В ателье я вернулась умиротворенная, чем порадовала уже, наверное, окончательно посевшую от волнения риссу Лишану.

– Как дела? – осторожно спросила она.

– Отлично! – улыбнулась я.

Потом поблагодарила хозяйку ателье, пообещав, что мы при первой же возможности закажем новый гардероб именно у нее. Сердечно распрощавшись с ней, мы с няней отправились домой.

Глава 4

Небольшая и вполне добротная закрытая коляска неспешно катила по городским улицам, но разглядывать местные пейзажи желания не было. Мне с трудом удавалось сохранять невозмутимость, пока внутри все дрожало от шквала эмоций, хороших и плохих.

Сегодня третье января, полдень, мне уже исполнилось восемнадцать лет. И отныне я совершеннолетняя девица, к тому же титулованная особа, целая баронесса. Увы, кроме титула ничем другим мне похвастаться нечем.

На рассвете рисс Аруш с местными законниками нагрянул с финансовой проверкой к моему уже бывшему управляющему риссу Дарияну. В ходе проверки выяснилось, что опекун не только обчистил счета барона фин Ришена, но и вынудил арендаторов заплатить за три года вперед. Эти деньги он «честно» поделил с управляющим, в результате последний купил особнячок в центре столицы, а все остальное Мурдяк забрал себе. В результате баронесса Эмария фин Ришен осталась не просто без средств. В следующем году, когда придет срок платить налог королю, она окажется еще и в непомерных долгах.

Полдня возни с бумагами, допросов с пристрастием и угроз каторгой – и управляющий с горячим энтузиазмом согласился подписать признательные показания, переложив тем самым вину на рисса Мурдяка за мошеннические действия с моим наследством. Кроме того, Дариян подписал в мою пользу отказную на недавно купленный дом, таким образом вернув часть украденного. Как говорили на родине, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но особо радоваться «приобретению» было бы преувеличением: большая часть средств от продажи «нажитого непосильным трудом» будет лежать в банке для уплаты налога короне, а договорной процент уйдет моему поверенному за услуги. Рисс Аруш скорее уведомил, чем советовал, куда направит деньги. И тому было две уважительные причины.

Первая: он меня на первой минуте знакомства уведомил, что не работает бесплатно и не занимается благотворительностью. С учетом моего бедственного положения неизвестно, когда и сколько я смогу заработать. Соответственно рисс Аруш ни гроша не получит с моих доходов.

Вторая причина и самая главная для нас обоих: титул и земли – мое единственное наследство, а за долги королю их запросто могут забрать. Или вместе с единственной беззащитной наследницей «подарят» нужному подданному – награда с «обременением» в виде невесты с титулом. В этом случае рисс Аруш лишится самого важного: того самого преимущества при решении всех своих дел, право оттиска баронской короны на печати.

Поэтому, в первую очередь, рисс Аруш позаботился о сохранении моего титула и земель и выплатах налогов на следующие три года, вне зависимости от моего будущего финансового положения. Строго посмотрев мне в глаза, весомо заметил: «Лея Эмария, голубушка, с короной шутки плохи. Лучше заплатить налоги и иметь крепкий сон и чистую совесть, пусть и на голодный желудок». Кто бы возражал? Вот и я – нет.

Теперь я свободна от опеки, от навязывания брака, моя судьба в моих руках. Но, как там Вика говорила, без оборотных средств, вдобавок с ответственностью за жизни десяти пожилых слуг, титул с причитающимися ему землями и уже полюбившееся поместье Ришен. Ришен за три недели действительно стал роднее некуда, а его обитатели – своими.

Когда все решили с управляющим и его под руки увела стража, поверенный предложил отвезти меня домой. Ришен за эти три недели действительно стал роднее некуда, а его обитатели – своими. И сейчас я не знала, чего испытываю больше, облегчение от свободы или страха перед будущими очередными проблемами.

– Рисс Аруш, что дальше делать? Мы сможем вернуть украденное у меня опекуном?

Сидевший в экипаже напротив меня поверенный, бросив на меня сочувствующий взгляд, ровно ответил:

– Нет.

Не доверять ему оснований не было, особенно после того, как увидела, с каким уважением к нему относятся столичные законники. Не боятся, а именно уважают.

– Почему? – Мне было еще и «технически» интересно сравнить реалии моей родины с новым местом жительства.

– Рисс Мурдяк был вашим опекуном, назначенным по закону. Даже при наличии показаний от управляющего тяжба может затянуться на год или два, если ваш опекун расстареется. А он уж точно расстареется! У вас нет средств, чтобы заплатить королевскую пошлину за длительное судебное производство, нет средств, чтобы подмазать нужных людей для его ускорения. Нет нужных людей, чтобы подать прошение или жалобу королю лично в руки. Вы, конечно, выиграете дело, но когда? В итоге Мурдяка заключат под стражу и отправят в тюрьму, но сможем ли мы ко времени, когда восторжествует справедливость, вернуть хоть что-либо из утраченного? Весьма сомнительно!

– Но он же украл и есть доказательства?! – расстроилась я.

Аруш внимательно посмотрел на меня, глубоко вздохнул и осторожно предположил:

– Лея, вы никогда не думали, кому выгодна смерть ваших родителей?

– Нет. Насколько я знаю, это было обычное ограбление?! – удивилась я.

Мой собеседник грустно улыбнулся, поморщился, видимо начиная непростой разговор:

– Ходят упорные слухи, но доказательств нет, конечно, что ваших родителей заказали...

– Заплатили за их убийство? – нахмурилась я, вся сжимаясь внутри.

Аруш многозначительно пожал плечами, вслух не подтверждая, кивнул и продолжил:

– Вас преднамеренно лишили средств к существованию, но при этом, повторяю, у вас все равно осталось кое-что слишком важное и ценное...

– Титул, – кивнула я мрачно, с горечью откидываясь на спинку.

Любопытно, но мой собеседник расслабился, видимо отсутствие истерики у юной подопечной и наличие понимания мотивов преступников его порадовало. И дальше он продолжал спокойным и уверенным тоном:

– Пока вы будете судиться-рядиться со своим опекуном, можете нечаянно умереть, как и ваши родители. Поэтому я вам настоятельно советую забыть о потерянных деньгах и прежде всего подумать о своей безопасности.

– Как это лучше сделать? – хмуро спросила я, ощущая ледяной комок в горле.

– С этими бумагами, – Аруш положил ладонь на портфель, где лежали признательные показания управляющего, – воровство мы в любом случае докажем, а вот убийство ваших родных – нет. Поэтому лучше бы вынудить вашего опекуна кровью подписать договор, где вы прощаете ему украденные у вас средства и прекращаете судебное преследование, а он отказывается от любых посягательств и претензий на ваше наследство и титул. Этим вы обезопасите свою жизнь. Дополнительно необходимо заставить его навсегда покинуть Байрат и прописать это условие в том же договоре, который он подпишет собственной кровью для надежности.

– Весьма дельное предложение, – удрученно согласилась я.

А сама пыталась придумать как мне теперь содержать не только себя, но и свой дом престарелых.

– Лея, а вы не думали выйти замуж? – неожиданно «придумал» рисс Аруш.

– За вас? – растерянно ляпнула я, во все глаза уставившись на вполне себе импозантного мужчину, сидевшего напротив.

Ему лет тридцать пять, не более. Мне в той жизни стукнуло двадцать один, в общем-то небольшая разница.

Мой вопрос вызвал смущенную, но польщенную улыбку у поверенного:

– Нет, лея Эмария, я давно и глубоко женатый мужчина, но может вам стоит рассмотреть другие кандидатуры? Выгодный брак спасет вас из бедственного положения...

Я вернула ему смущенную улыбку, все же глупость спросила. И откровенно пояснила:

– Нет, рисс Аруш, брак по взаимовыгодным причинам не для представительницы моего рода. Я выйду замуж только по любви и никак иначе.

И тут же пожалела о сказанном, забыла, что в поверенных у меня очень и очень умный мужчина, мгновенно насторожившийся:

– Вы настолько сильный целитель?

– Дело не только в силе, я обязана подумать о родовой магии, чтобы она продолжилась в моих наследниках, – выкрутилась я. Но в этот момент мне в голову пришла гениальная идея и я поспешила ее обсудить со своим поверенным, заодно и тему сменить: – Рисс Аруш, я могу как-то зарабатывать с помощью своего дара? Лечить, варить зелья... крема омолаживающие продавать?

– Во-первых, титулованной особе это не по статусу. Во-вторых, для любого из перечисленных видов деятельности необходима лицензия, а ее дадут только при наличии диплома об окончании магической академии или школы мастерства.

Н-да, обломал все мои мечты законник. Я постучала пальцами по бархатной обивке дивана в карете, пожевала губу, раздумывая, и продолжила гнуть свое:

– Хорошо, лечить нельзя, но готовить зелья и крема для продления молодости и красоты через посредников с лицензией тоже запрещено? Или на черном рынке...

– Вы знаете про черный рынок? – удивленно глянул на меня «глубоко женатый мужчина».

– Слуги разное болтают... – нашла я и опустила покрасневшее лицо.

– Полагаю, я смогу найти для вас... посредника, который согласится сбывать ваши зелья и крема для красоты и молодости.

Я не смогла сдержать радостного вздоха, вскинув сияющий взгляд на своего спасителя.

А он напомнил с кривой усмешкой:

– Ведь я кровно заинтересован в наличии у вас доходов, чтобы получить причитающийся мне процент.

– Уверена, тогда все организационные и финансовые вопросы по сбыту вы также сможете взять на себя. Не хочу, чтобы имя фин Ришенов как-то связали с подпольной торговлей зельями, – многозначительно улыбнулась я.

– Если возникнут претензии к качеству, то...

– Родители дали мне прекрасное образование, – я позволила себе прервать Аруша.

– Договорились, – кивнул довольный поверенный, а потом польстил, заставив немного напрячься: – В очередной раз не перестаю удивляться вашей разумности и предприимчивости в столь юном возрасте.

– Жизнь заставит, на многое изменишь взгляды, – натянуто улыбнулась я, а потом вновь нахмурившись, с тяжелым вздохом уточнила: – А с риссом Мурдяком мы когда...

– Не мы, а я. Не волнуйтесь, с ним я все сам решу, обещаю. Моему слову вы можете верить, ведь у нас с вами кровавый договор, где ваши интересы на первом месте прописаны.

Домой я вернулась с легким сердцем и четким планом на будущее. Рисс Аруш вновь решил на рекомендацию: если я не готова замуж по расчету, придется найти средства на обучение в магической академии. Ее диплом поможет в будущем зарабатывать легально, но, что еще более важно, по его мнению, расширив круг общения, я познакомлюсь с молодыми людьми из богатых и родовитых семей и, возможно, найду мужа по сердцу. В общем, Аруш видел для меня счастливое будущее только в замужестве. А академия и зелья из-под полы – это способы продержаться, найти или дожждаться любимого графа или герцога, или, на крайний случай, согласиться на сына главы торговой гильдии, у которого миллионные доходы, а единственное, чего не хватает, невесты с баронским титулом.

Из кареты я вышла, невольно улыбаясь: с юридической поддержкой и защитой мне однозначно повезло!

Дом встретил меня взволнованной тишиной и испуганными глазами слуг, толпившихся в холле. О моих планах никто не знал, кроме няни, вот и ждали, что вернусь замужней, а значит, их вскоре выгонит новый хозяин.

Я устала до чертиков, потому что всю ночь не спала, опасаясь провала, вторжения опекуна и еще сотни разных засад и подстав. На рассвете, с первыми лучам солнца, мы с приехавшим за мной в карете поверенным укатали в город, в дом управляющего. Но, расправив плечи и широко улыбнувшись, я громко оповестила домашних:

– Брачный обряд с подлым, противным кузенком отменяется, теперь я свободная и самостоятельная баронесса.

По холлу пронесся облегченный и радостный вздох, только рисса Лишана укоризненно покачала головой, уже кажется привычно, тихонечко выговаривая мне:

– Лея Маша, где ваши манеры?

Шестнадцать дней, прошедшие с нашего откровенного разговора с няней не прошли даром. Я стала для нее именно Машей, а не Эмарией. Новой подопечной, которую необходимо в сжатые сроки воспитать достойной родового имени, которое так внезапно и неординарно мне досталось. И если первые дни Лишана еще опасалась моего возмущения или одергивания, то отметив безоговорочное принятие ее помощи и советов, взялась за меня по полной.

– Вы все – моя семья! – приобняла я ворчавшую старушку за плечи. – И я не хочу ради манер и приличий заставлять больше нужного вас нервничать и переживать. Лучше сама расскажу, чем вы будете мучительно ждать пересудов и слухов.

– Хорошая ты девочка, Маша, – ласково погладила няня меня по руке. А потом обеспокоенно спросила: – Удалось вернуть наследство?

– Нет, – поморщилась я и рассказала почему.

Няня расстроено всплеснула руками и растерянно опустилась на стул:

– А как же мы тогда жить будем?

Домашние, вроде бы покинувшие холл, похоже, толпились за дверями и шумно, расстроено вздыхали. Сейчас решалась их судьба.

– Мы с риссом Арушем нашли выход из положения, я буду готовить самые простые целебные зелья, которым... родители научили. И крема омолаживающие. Рисс Аруш найдет того, кто будет их покупать у меня. Без огласки.

– Вы считаете, этого хватит? – удивилась няня.

– Я считаю, что красота и молодость нужны всем. А нам пока слишком много не требуется. На налоги средства есть. Остальное уже мелочи. Еда, уголь и дрова для отопления дома – вот самые необходимые нужды и затраты на сегодня. Оплата услуг поверенного... – я усмехнулась, вспомнив рисса Аруша. – И еще, мне необходимо накопить на обучение в Ройзмунской магической академии.

Срок обучения в академии пять лет, плата за каждый год – двадцать пять золотых! Сумма очень весомая, а в моем нынешнем положении невероятная. Но я поинтересовалась ценами на зелья и крема, которые продавались в столице. Если очень-очень постараться, то за оставшиеся до начала нового учебного года восемь месяцев заработать на первый год вполне реально. Ведь продержаться надо три года, дальше возобновится приток средств от аренды земли. Эх, жаль, что титулованные особы не имеют права учиться в магической академии на бесплатной основе, даже если они обеднели и осиротели.

Няня горестно покачала головой:

– Ох, лея, какую же вы непосильную ношу на свои хрупкие плечи взвалили.

– Да разве это ноша? Да еще непосильная? – оптимистично возразила я, тоже покачала головой и заверила заодно со старушкой всех подслушивавших за дверью: – В доме столько умудренных опытом людей живет, одна голова хорошо, а десять – лучше. Справимся!

– Вам виднее, хозяйка! – светло улыбнулась повеселевшая нянюшка.

Следующие восемь месяцев я вкалывала как одержимая. Поначалу было проблемно «вспоминать», вытаскивать из чужой памяти знания, умения, навыки. По сути, учиться заново. Сложнее всего было работать с магией, вот где частенько у меня случались проколы, когда почти готовое зелье внезапно меняло цвет, булькало или мутнело. Но благодаря жесточайшей нужде в деньгах, чтобы есть, пить, жить в теплом доме, для меня больше не существовало «не могу» и «боюсь».

В моем распорядке на сон и отдых отводилось не более восьми часов. Все остальное время я работала, училась, медитировала с магией и копалась в памяти Эмари. Позднее осознала, что тем самым теснее с ней срачивалась и, к сожалению, фактически стерла незримую грань между ней и собой. Еще приходилось много времени проводить в библиотеке – готовиться к поступлению в академию.

И все же нет-нет, да задавалась вопросом: как перенос души смог сохранить мою личность, память прожитых лет в другом мире?! Кто и как меня закинул в Хартан и в это тело? Зачем и почему? Ответа так и не нашла. О попаданках в истории нового мира не было ни легенд, ни слухов, ни иных данных. Я даже в храм съездила, полдня просидела в нем, мысленно умоляя откликнуться кого-нибудь из богов, которым поклонялись в этом королевстве. В ответ – тишина!

В это тяжелое время адаптации и безденежья мне особенно помогли трое. Рисса Лишана воспитывала из меня достойную родового имени и титула лею. Не давала расслабиться, напоминала всегда и везде держать спину прямо, ходить, не размахивая руками и широким шагом, а плавно, размеренно, кошкой на мягких лапках ступать по брэнной земле. Не употреблять любимые словечки, которые так и норовили вырваться из меня наружу, и манеру говорить что думаю оставить.

И ведь добилась! Знание этикета стало как дыхание: дышишь – значит, соблюдаешь правила. Смешно сказать, она будила меня ночами, подлавливала в моменты самой кошмарной усталости и магического опустошения, когда открыть глаза казалось подвигом, и проверяла, насколько я запомнила, нет, насколько она вдолбила в меня нужные знания. Чтобы, даже находясь в бреду я до последнего рефлекса знала, какой прибор для какого блюда выбрать. Как сесть за стол, выйти из-за него, завершив трапезу. Книксены, поклоны, даже вежливый кивок прислуге или торговцу – все должно быть идеальным. И нянюшке это удалось.

Ценным помощником оказался рисс Парин, наш дворецкий. Без доходов с земель об управляющем можно было только мечтать. И как-то так получилось, что делами моего скромного, обобранного баронства занялся именно рисс Парин. Ведь необходимо было вести дела с арендаторами, а этот сухопарый пожилой мужчина всех жителей уезда знал лично и пользовался уважением.

Опять-таки надо было покупать у торговцев продукты, топливо, компоненты для производства, а это травяные сборы, масло, упаковка и так далее. Забот выше крыши. Спустя время мне стало понятно, что он отлично справляется – управляющий из него не хуже, чем дворецкий. Так я смогла опереться уже на второго человека в новом мире.

Помощь третьего человека, поддержавшего меня, была важной и неоценимой. Моя производственная деятельность совершенно неожиданно сдружила нас с риссом Арушем. Все началось с его супруги, совершенно неожиданно для меня высоко оценившей самые простенькие, но эффективные крема и лосьоны со скромным, но говорящим названием «Чудеса красоты», которые Аруш тоже неожиданно начал пристраивать в столичные лавки и аптеки. Раскрывать, что крема делаю я, Аруш даже супруге не стал, опасаясь извечно женского трепя в стиле «ой, я нечаянно тете Нюре обмолвилась, что у соседки из пятой квартиры любовник Петя, кто же знал, что весь город узнает и ее муж его убьет».

Так вот, рисса Аруш восторженными отзывами о моих «чудесах» натолкнула мужа на очередную идею. Довольно быстро мой поверенный стал и моим покупателем. Еженедельно

забирал свой большой заказ – уложенные в корзинки на ароматную сосновую стружку красивые баночки и бутылочки для красоты и молодости. Этой стружки здесь хоть завались, на растопку идет. Корзинки, в отличие от фабричных коробок и бумаги, стоили дешево. В ход также пошли ленточки, бантики и цветочки, придававшие подарочным наборам еще невиданного в Байрате очарования. В сущности, копеечные украшения, а как мило!

Насколько я поняла, деловой, продуманный росс Аруш использовал мои «чудеса» в качестве подкупа и расположения. «Без задней мысли» дарил женам нужных ему законников, секретарям королевского суда, в общем, через женские слабости находил подход к самым неподкупным и вредным.

Именно благодаря Арушу и его специфической рекламе, пусть не сразу, но количество заказов начало расти. А ведь первый месяц я ночами рыдала в подушку от отчаяния и безысходности: товар продавался плохо и прибыли почти не приносил. Даже задумалась о продаже родовых украшений фин Ришенов, хоть и считала это кощунством, шагом, на который не имела морального права. Такие вещи должны из рук в руки передаваться наследникам титула. К весне дело пошло на лад, и к концу августа двадцать пять золотых на обучение в академии с горем пополам и невероятным трудом я заработала!

Глава 5

Байрат – большое королевство, но с высшими учебными заведениями для магов здесь сложно. Для простых смертных почти в каждом более-менее приличном городе открыты высшие школы мастерства. А вот магическая академия всего одна, в предместье столицы. Как ворчливо обмолвился рисс Аруш, не потому что маги – редкий зверь, а чтобы каждый был учтен короной, вдруг пригодится.

В сопровождении поверенного я съездила познакомиться с Ройзмунской академией магии еще пару месяцев назад, разведать что и как, узнать, какие документы нужны и время экзаменов. В ходе поездки выяснилось, что академия расположена в очень хорошем, безопасном районе предместья Мартинс, где дороги лучше, чем в центре, а вокруг красуются добротные дома зажиточных жителей столицы, утопающие в садах и парках. Сама академия занимает три внушительных здания и приличный кусок земли. А поверенный понадобился, чтобы заключить договор на обучение между академией и баронессой фин Ришен и исключить «мелкий шрифт» с неожиданными обязательствами и подводными камнями. Поэтому в моем саквояже лежала папочка с подписанным договором в двух экземплярах.

Первое сентября – день приемных испытаний в Ройзмунской академии магии. С восьми утра до десяти вечера будут отбирать будущих студентов. Всего один день, но его хватает, чтобы набрать первокурсников. А к учебе они приступят уже с третьего сентября.

Ришен я покинула рано – мой дом на противоположном конце города и ехать около часа, к тому же хотелось с самого утра решить вопрос с поступлением и, наконец, выдохнуть. Пока коляска стучала колесами по городским улочкам, я то нервно сжимала руки в кулаки, то поправляла края серых перчаток и рукава своего строгого элегантного платья из тех, что на любой случай. Не маркое и благородное. Тонкая, но достаточно теплая ткань мягко облегалась высокую грудь и узкую талию. Высокий воротник, манжеты длинных рукавов и подол расшиты серебряным растительным узором. Благодаря немногочисленным складочкам платье не стесняло движений и красиво сидело. Густые, шоколадного цвета волосы я уложила в сложный узел на затылке и спрятала под хорошенькую небольшую шляпку – дань этикету, не больше.

Слава богу, ой, хвала Всем Богам, как принято говорить в Байрате, ведь здесь поклоняются нескольким высшим сущностям, гардероб у Эмарики оказался, по местным меркам, более чем – полностью укомплектован всем необходимым на любые случаи жизни. Если потребуется, я не побрезгую воспользоваться нарядами ее почившей матушки. Так что ничего нового покупать не стала. Средств у меня впритык, а еще к зиме готовиться и травы с маслами закупать.

Среди высоких деревьев показались светло-серые здания академии. Меня невольно охватило волнение: как все будет? В этот ранний час на дороге мы с Глериком, правившим моей коляской, были не одни. Пешим и конным ходом, в собственных экипажах или наемных, в академию добиралось довольно много желающих. Следом за другими мы нырнули в тенистую аллею и вскоре подкатили к главному входу трехэтажного здания. Я приказала Глерику найти свободное место и ждать меня. Как освобожусь, пошлю ему вестник, чтобы забрал. И взяв небольшой дорожный саквояж, в котором помимо самого необходимого (например, платочка) лежала с таким трудом заработанная сумма и документы, отправилась поступать в очередной вуз.

Эх, вступительный мандраж я испытывала уже в четвертый раз. Первый – это собственные вступительные экзамены в медицинский, второй и третий – я дико переживала за Вику с Женькой, а сейчас вот четвертый – снова за себя. Заталкивая грустные мысли о своих девчонках подальше, остановилась у первой ступени широкого каменного крыльца главного академического здания, невольно взглянула в небо Хартана и выдохнула тихую мольбу:

– Боги всех миров, помогите моим девочкам, Вике и Женьке, пусть у них все удачно сложится!

Смешно, но в этот момент из-за крыши здания выглянуло солнышко и его лучик коснулся моего лица, ослепляя, заставляя зажмуриться, но при этом согревая, будто кто-то, услышав меня, приласкал. Возникла необъяснимая уверенность, что меня услышали.

Я с облегчением шепнула:

– Спасибо!

– Вы мне, лея? – рядом раздался удивленный мужской голос, глубокий, хрипловатый.

Обернувшись, я увидела остановившегося на второй ступени черноволосого, высокого крепко сбитого мужчину, вопросительно приподнявшего бровь. Со шрамом на правой щеке и черными глазами, изучавшими меня.

– Нет-нет, не вам, извините, так, мысли вслух, – смущенно зачастила я.

Незнакомец мягко и снисходительно усмехнулся:

– Вижу, на целительский поступать собрались? – Я кивнула, и он подсказал: – Как зайдете, поверните сразу направо и идите в конец коридора. Там целительский деканат.

– Благодарю лей... – я предложила назваться незнакомцу или обозначить свой статус, а то по строгому черному сюртуку из добротной, недешевой ткани не понять, кто он.

– Рисс, лея, – поправил он меня с улыбкой, поняв мое затруднение, и добавил, – мэтр Дей Лорес – преподаватель стихийной магии с боевого факультета.

Кивнул и быстро ушел, похоже, торопился в свой деканат на прием студентов. А я помедлила, размышляя на интересную тему, точнее, о магическом феномене, который в будущем придется не раз учитывать при общении. Только у целителей и некромантов магия находит отражение в цвете глаз. Первые поголовно с зеленой радужкой, чем насыщеннее и ярче, тем сильнее дар. Благодаря чему носителей дара жизни узнать легко и просто. А вот носителей магии смерти гораздо сложнее определить. Они все черноглазые, правда «глубина их черноты» мало кому заметна. Черные и черные. При этом обе категории магов к стихийным не относятся. Остальные маги с совершенно разным цветом глаз, который передается им по наследству.

Этот мэтр Дей Лорес, преподаватель стихийников, вероятно, какой-нибудь воздушник или огневик. Именно они чаще всего выбирают боевой факультет. При этом он черноглазый. Отсюда вывод: некроманты – темные и загадочные личности как снаружи, так и внутри. Ведь получается, их легко можно спутать с обычным стихийником, кому черный цвет достался от родителей, а не благодаря магии смерти.

Я последовала за мэтром в огромный холл, в громкоголосый гул жаждущих поступить. Месяц назад здесь было тихо как на кладбище, а сейчас, словно на базар попала. Благодаря предусмотрительности и въедливости рисса Аруша, который подсказал все формальности уладить заранее, мне не пришлось толкаться в очереди к стойке и что-то уточнять. Я сразу отправилась в свой деканат, чтобы отметить и получить «зачетку».

Интересный документик, надо сказать. Этакая узкая, но пухленькая тетрабочка с магической печатью на первой страничке, со списком предметов, которые я обязана сдать для поступления, и номерами аудиторий, где проходят испытания. Более того, если я успешно все пройду, она останется со мной на весь пятилетний срок обучения до завершения академии и туда будут вносить результаты будущих тестов и экзаменов. Благодаря ей я узнаю, приняли меня или нет. И только при положительном результате вернусь в свой деканат, чтобы внести плату и для иных формальностей.

Я слишком решительно устремила покорять очередную «высоту», потому что, завернув за угол, больно столкнулась с высокой девицей. Я бы сказала, валькирией – рослой, широкоплечей, фигуристой, с густой, буйной шевелюрой медного цвета, глубоко посаженными голубыми глазами, носом-картошкой и пухлыми, сочными губами. Не красавица, но яркая и инте-

ресная девушка в простенькой длинной серой юбке, белой рубаше и темном кожаном корсете, крепко державшем ее большую грудь и подчеркивавшим узкую талию.

– Простите, рисса... – едва успела сказать я до того, как девица-гренадер плечом оттеснила меня со своего пути.

Да еще и невежливо буркнула:

– Ходят тут всякие...

Похлопав ресницами, я проводила фактурную незнакомку растерянным взглядом, прежде чем идти дальше. А через несколько шагов будто на стену напоролась, поймав себя на неожиданной и пугающей мысли: «Из-за слияния с памятью Эмари, под влиянием ее характера вместе с теплой, домашней атмосферой интеллигентного дома фин Ришенов и благодаря титаническим ежедневным и ежечасным усилиям риссы Лишаны по моему „облагораживанию“, я изменилась не только внешне, но и внутренне. После столкновения я не послала хамку далеко и надолго, а, прижавшись к стене, растерянно провожала ее спину. Значит, изменения во мне в разы глубже и кардинальнее, чем я представляла».

Подаренная мирозданием новая жизнь подкидывала все новые и новые неоднозначные сюрпризы.

Первым в списке стоял самый главный и основополагающий экзамен по специализации. Сдам его – полдела сделано; по другим предметам комиссию даже минимальные балы устроят.

Возле тридцать третьей аудитории толпилось не менее сотни взволнованных парней и девушек. Я переживала не меньше, а может и больше, чем остальные. Ведь они со своим даром роднились с пеленок, а я – всего восемь месяцев, даже если в моих глазах в минуты сильного волнения сверкали искры и, согласно мемуарам отца, я, вроде как, маг жизни. Внутри у меня все сжималось от страха и неуверенности.

Сторонясь чужих острых локтей, я решила постоять рядом с белокурой красивой девушкой, тоже, как и я, ожидавшей своей очереди в одиночестве и выглядевшей добропорядочной леей. Тяжело вздохнув, нечаянно поймала ее осторожный изучающий взгляд, но зацепило не ее любопытство, а такая же как у меня манера смотреть сквозь густой веер светлых длинных ресниц, скрывавший насыщенно-зеленый цвет глаз. Сильная целительница!

– Лея Злата фин Рыбка, – она коротко кивнула мне, проявляя лишь вежливость согласно этикету.

– Лея Эмария фин Ришен, – отзеркалила я.

Мы обменялись скупыми улыбками и почти одновременно отвернулись к окну, без намерений продолжать знакомство. Краем глаза заметила, что и наши улыбки от того, что обе это подметили, тоже оказались почти синхронными. Правда, я улыбнулась, еще и услышав ее имя. Злата Рыбка, ну прямо как Золотая Рыбка, исполняющая желания.

Оказалось, в аудиторию приглашали по спискам деканата. И вскоре прозвучало:

– Баронесса Эмария фин Ришен, пройдите!

Народ проводил меня взглядом. Аристократы, видимо отметив мой элегантный, но простенький наряд, тут же потеряли интерес. Остальные рассматривали по-разному: кто-то – с интересом более низкого сословия, кто-то – откровенно изучающе и оценивающе. Лично меня никто не заинтересовал. Еще слишком сильна и глубока боль утраты Вики и Женьки. Завести новую дружбу – сродни предательству, словно я не только сменила мир и тело, но и в душе их вычеркнула, заменила. Нет, только не это.

В аудиторию с пираньями из приемной комиссии я шагнула с влажными от волнения руками и дрожащими коленками, а спустя полчаса вышла мокрая вся. Жуть, а не экзамены!

Дверь непривычно открылась внутрь аудитории, поэтому я сразу увидела справа у стены за длинным узким столом членов экзаменационной комиссии – четверых разновозрастных мужчин в черных мантиях с золотыми преподавательскими нашивками на груди. Вежливо поздоровавшись, представилась и мельком оглядела их довольно равнодушные лица.

Экзаменаторы смотрели на меня с едва заметным, ленивым интересом. Один из них, махнув мне за спину, предложил «исправить» то, что там лежит. Растерянно обернувшись, я увидела в центре почти пустой аудитории четыре круглых столика на высоких ножках-опорах с изогнутыми «лапами». Чуть заторможенно направилась к ним, краем глаза отмечая, что там лежит. На первом – сломанный поникший стебелек с маленьким синеньким бутончиком, на втором – горшочек с землей, а рядом в блюдечке – зернышко. Третий стол занимала бронзовая клетка, в которой на жердочке понуро сидела птичка со сломанным, беспомощно повисшим крылышком. На четвертом, самом большом, – неподвижно лежал маленький бело-рыжий песик. Такой несчастный, с черными влажными глазками, переполненными болью и безнадеей, в крови...

К этому бедняге я и шагнула, забыв об экзаменаторах, о том, что на экзамене для целителей все не просто, а с подвохом. Так уж вышло, что людей я любила гораздо меньше, чем животных. Их боль воспринимала глубже и ближе. Мы с подругами мечтали, что заведем себе любимцев-питомцев, когда будем стабильно зарабатывать. Как выяснилось, предпочтения у нас разные: я мечтала о пушистом котике-мурлыке, Женька – о собаке, а вот Вика собиралась завести игуану.

Песик был на грани, даже дышал через раз, едва заметно делая рванные вдохи. Вначале я хотела по привычке, как учили в родном меде, провести пальпацию и визуальный осмотр, но мой пациент совсем обмяк, тем самым подсказывая, что время на исходе. В этот момент я вспомнила о магии и полезла в закрома магических знаний Эмари по лечению. Пришлось в ускоренном порядке сопоставлять и применять свои и ее умения. Попутно включать интуицию и, отчаянно желая помочь, вернуть бедолагу к жизни и вылечить. И это сработало. Чудом!

Когда пес сел на столике и бодро замахал хвостиком, я спустила его на пол, чтобы не свалился ненароком. А сама, вытерев со лба пот и отдышавшись, наконец вспомнила об экзаменаторах. Испуганно обернулась к ним: четверо мужчин по-прежнему молчали, но теперь крайне внимательно наблюдали за мной. Я опустила растерянный взгляд на пса, осознав, где я и для чего. Мохнатый пациент весело твякнул и исчез, словно его и не было. А ведь минуту назад я четко ощущала его жизненные токи и физическую оболочку. Неужели иллюзия и обманка? Настолько реальная?

– Простите, – я на всякий случай извинилась и хрипло после переживаний и волнений, кивнув в сторону других столов, уточнила, – это тоже... исправлять?

– Да, пожалуйста, лея Эмария, – слегка улыбнулся крайний мужчина.

Чтобы придать свежести стебельку, помочь прорасти зернышку и поправить крыло птичке у меня ушло пару минут. И это лишь добавило довольства лицам экзаменаторов.

– Отлично, вы очень сильный маг, лея, показали превосходные результаты. – Поощрил более широкой улыбкой третий из комиссии, самый возрастной, по земным меркам лет шестидесяти с головой, убеленной сединами, лицом в морщинках и яркими зелеными глазами.

Но на Хартане целитель с внешностью возрастного мужчины явно перевалил за полторы сотни лет.

– Благодарю вас, мэтры, я могу быть свободна? – натянуто улыбнулась я, все еще пребывая в смешанных непонятных чувствах.

– Мэтр Род Меррик, буду очень надеяться, ваш будущий декан, – представился этот улыбчивый мужчина, потом благодушно махнул рукой в сторону двери: – Идите, юная лея, у вас еще три экзамена. Удачи вам.

Похвала и пожелание удачи помогли мне успокоиться, улеглась тревога, и в душе я широко улыбалась. Мой прежний декан не был столь радужен и благожелательно настроен. Улыбки и похвалу выдавал крайне скупое, а требовал крайне много. Хотя его все равно все очень любили и уважали, а похвала от него ценилась на вес золота.

Выйдя из аудитории, я подошла к тому же окну, у которого стояла та же девушка и по-прежнему смотрела на улицу. Открыв зачетку, я полюбовалась результатом экзамена – светившейся яркой изумрудной записью «Превосходно».

– Не стоило показывать, насколько ты сильный целитель, – неожиданно прошелестело у меня над ухом, так, чтобы никто кроме меня не услышал.

Я подняла все еще счастливый взгляд на девушку. Убедившись, что необычный совет высказала «золотая рыбка», тоже шепотом выпалила:

– Почему?

Она вперилась мне прямо в глаза, без прятков за ресницами. И в ее глазах я неожиданно тоже отметила «говорящие» золотые искорки. Мгновение-другое – и веер ее густых ресниц спрятал их от меня и остального мира. Она помолчала, явно раздумывая, стоит ли объяснять, и, судя по часто бьющейся жилке на горле, сильно волновалась. Задумчиво покусала губы и едва слышно ответила:

– Потеряешь свободу.

В этот момент открылась дверь из экзаменационной аудитории и на весь коридор объявили:

– Баронесса Злата фин Рыбка, пройдите.

Золотая Рыбка сделала шаг, но, неуверенно обернувшись ко мне, едва слышно выдохнула:

– Если не умеешь под иллюзией прятать, пей успокоительное, чтобы не сверкать глазами...

И скрылась за дверью. Осознав смысл ее слов, я быстро спрятала «улики» за ресницами. Мэтр Коллей говорил, что сильные целители состоят на королевской службе, а уж редкие маги жизни, что еще сохранились в Байрате, служат исключительно его величеству. Рисс Аруш тоже ворчал про королевский контроль магов, отчего и создана лишь одна академия магии. И дотошно проверял мой ученический договор с академией, чем довел местного секретаря до белого каления, требуя исправить двусмысленные фразы и положения договора. А я, безмозглая попаданка, кинулась спасать иллюзии на экзамене, можно сказать вывернула свое исподнее наизнанку. Эх, прокол вышел, Машенька. Надо прятать свои достоинства, а то – не дай боги этого мира! – отметят и оценят «по достоинству».

Поэтому на следующих экзаменах по магическим умениям я исправляла допущенную оплошность. Старательно изображала сильную усталость, показывая, что выложились подчистую на основном испытании. Зелье сварила мутное и малоэффективное. Личную регенерацию и уровень резерва сдала с минимальным проходным баллом. Тем самым снизив ожидания от моего дара до твердого середнячка. Мои предположения подтвердили унылые и разочарованные лица членов комиссии после каждого следующего «Посредственно» сданного экзамена.

А вот историю родного королевства сдала на «Отлично», хоть и просидела долго. Уронить честь фин Ришенов, плавая в истории, – недопустимо.

Мне остался последний экзамен, хотя, насколько я понимала, это скорее тест и проверка на умения. В программу домашнего обучения детей аристократов, как и отпрысков большинства более-менее состоятельных семей, входила музыка. Родители Эмари выбрали для дочери инструмент, похожий на клавесин или небольшой рояль. В реальности он оказался более сложным, благодаря магическим артефактам, – такая смесь пианино и органа.

Несмотря на любовь к музыке, нам с подругами удалось научиться лишь игре на гитаре. Благодаря Эмари я освоила «клавесин», который здесь называется ляшен. И вечерами, выматываясь и теряя надежду, что справлюсь с трудностями, спускалась в гостиную и играла на нем, «вспоминая» навыки. Музыка спасала от черного отчаяния.

Поэтому в аудиторию, где экзаменовали по музыке, я заходила с предвкушением и затаенным ожиданием чего-то хорошего. Но застопорилась, увидев совершенно незнакомые не

только мне, но и Эмариин инструменты: десятки струнных, духовых, ударных, язычковых и прочих разной формы и музыкальных направлений. Я уставилась на виброфон сложной конструкции с молоточками разной длины, металлическими трубками.

– Играете на даршнете? – рядом со мной остановился высокий, стройный, благородного вида мужчина в мантии, не маг.

– Нет, мэтр, только на струнных и клавишных, – восторженно глядя на инструмент, ответила я.

– Хорошо играете? – вскинул он роскошные темные брови.

– Хотелось бы, но, увы, посредственно, стыдливо морщась, призналась я, ведь все аристократы обязаны хорошо играть хотя бы на одном инструменте.

– Ну-ну, не расстраивайтесь, в нашей академии научитесь не только хорошо играть, но и петь будете неплохо, – немного зловеще улыбнулся мужчина.

– Да-а? – ляпнула я, не подумав, и, снова поморщившись, чуть не треснула себя по лбу с досады за дурацкий вопрос.

Он усмехнулся, конечно же догадавшись, что я поняла почему, но любезно пояснил:

– Да-да, со второго курса начнутся сложные заклинания и речевые формулы призывов и воззваний, многие из которых представляют собой речитативы определенного темпа и звучания. Песни. Самые простые заклинания основаны на строго установленных движениях пальцев; ошибся в движении – и все, в лучшем случае ничего не выйдет. В худшем – выйдет не то, что хотел. К тому же скорость работы пальцами при построении заклинаний и формул прямым образом влияет на мощь магического воздействия, его широту и дальность.

– Благодарю вас, мэтр, – смущенно улыбнулась я.

– Ну что, готовы? – он махнул в сторону многочисленных инструментов, предлагая выбрать, на чем я буду «сдаваться».

– Да, – нервно кивнула я, направляясь к ляшену.

Из музыкальной аудитории – в будущем, наверное, моей самой любимой – я буквально выпорхнула как на крыльях. Счастливая! В моей зачетке светилось: «Вы успешно сдали экзамены и зачислены на целительский факультет». Прижимая к боку сумочку, а к груди – зачетку, я уверенно направилась в деканат. Теперь уж точно родной и – дай Боги Хартана! – любимый.

Документальное оформление зачисления и всех прилагающихся формальностей прошло быстро, благодаря предварительно согласованному договору. Я просто вернула подписанные мной листы, их проверили и вернули мой экземпляр с подписью ректора Эльвата фин Жигалья и печатью академии. Мои двадцать пять золотых суровая женщина, секретарь мэтра Рода Меррика, декана целительского факультета, смахнула в ящик стола будто горстку медяков, чем буквально ножом по сердцу резанула. А потом удивила сухим требованием:

– Пройдите в десятый кабинет для сохранения личных данных и принесения клятвы.

– Что сделать? – недоуменно переспросила я, а в голове сразу всплыло навязшее на зубах согласие на обработку персональных данных из моей прошлой жизни.

Мэтресса подняла на меня немного утомленно-раздраженный взгляд и как пить дать в «стопастьсотый» раз пояснила:

– Все обладатели целительского дара, поступая на наш факультет, обязаны принести клятву истины. С этого момента, назвав кого-то своим пациентом, вы не сможете ему соврать и будете говорить правду и только правду, какой бы она не была. Нарушив клятву, целитель получит магический откат, да такой, что мало не покажется.

– Понятно, – протянула я, сделав мысленную зарубочку потом уточнить, на какой срок правдивость врача перед пациентом сохраняется. А то вдруг на всю оставшуюся жизнь, врача или пациента.

Секретарь добавила:

– Помимо клятвы вы пройдете процедуру считывания памяти. Ее магически скопируют на ваш личный кристалл, который вы будете носить при себе с первого и до последнего дня обучения в академии.

– Зачем? – испугалась я, ведь если кто-то увидит мои воспоминания, то что будет дальше со мной?

Женщина поморщилась, похоже испуганные лица новоиспеченных студентов после этой новости не редкость для нее:

– Не стоит переживать, лея, личные данные конфиденциальны. Просматривать свой кристалл памяти может только хозяин, а третьи лица – только с его магического добровольного разрешения. Требование о копировании памяти введено исключительно в целях безопасности наших учащихся. Некоторые из них настолько неразумны, что случаются разного рода неприятные инциденты.

– Какие? – напряглась я. Академия-то, оказывается, опасное местечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.